

В. Ф. Филатова

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА

*К проблеме этноисторических
процессов в эпоху камня*

Археологические материалы эпохи мезолита на территории Карелии характеризуют начальный этап ее освоения человеком. Их изучение позволило осветить многие стороны жизни первопоселенцев, социально-экономические аспекты созданного ими общества, установить этапы его развития и хронологические рамки существования. Разрабатывались вопросы происхождения культуры мезолита и места в ряду синхронных культурных образований Северной Европы. Особую значимость эти проблемы получают в ходе изучения этноисторических процессов, в частности при попытках связать археологические данные с этносами финно-угорской языковой семьи.

Очевидно, что исследования такого плана должны вестись в рамках теоретико-методологических конструкций этнологии в целом и в русле таких базовых категорий, как этнос и этничность. В современной зарубежной этнологии они разрабатываются с опорой в основном на современные реалии (Чешко, 1994; Тишков, 1997; Рыбаков, 2003, см. также ст. М. Г. Косменко и С. И. Кочуркиной в наст. сб.). Применительно к первобытной истории весьма продуктивным представляется господствующее в российской науке понимание этноса (народа) как исторически сложившегося на определенной территории людского сообщества со своими особенностями в культуре, языке и пр., осознающего свое отличие от других подобных объединений, где отдельный человек является

этнической микроединицей (Бромлей, 1983, с. 25). Поддерживая в целом это определение, исследователи полагают, что этнос как социальный феномен логически (разумеется, не генетически!) вырастает из феномена антропологического (и в значительной мере даже просто психологического) – этничности каждого отдельного человека (Рыбаков, 2003, с. 9). Считают также, что этнос – сложная и неоднозначная социальная общность – историко-культурная данность с объективным и ярко выраженным феноменом этничности, одним из основных и в обыденном сознании существующим изначально (Заринов, 1997). При этноисторических реконструкциях ранних этапов человеческой истории очень важно разделение понятий «этнос» (народ) и «этникос», т. е. совокупность людей с общей, одинаковой этничностью, собственно этническая общность, но без видимой социальной сущности, результат совместной исторической практики нескольких поколений; для существования этникоса важнейшее значение имеют межпоколенные информационные связи и самосознание составляющих его людей, то или иное представление об общности исторических судеб их предков, тогда как этнос в широком понимании – это социальный организм, результат сопряжений с политическими и другими структурами с некоторой долей этнического содержания (Бромлей, 1983, с. 58). И с этих позиций этнологическую триаду племя – народность – нация вслед за Ю. В. Бромлеем следует рассматривать не как три стадии развития этноса (этникоса), а как три типа сопряжения его с социально-потестарными и социально-политическими структурами с выяснением механизмов сопряжения (Рыбаков, 2003, с. 11). В контексте этноисторических интерпретаций археологических материалов важным представляется суждение о том, что этносы, в том числе исторические, нельзя рассматривать как развитие (через различные процессы интеграции, дивергенции и др.) сложившихся чуть ли не в верхнем палеолите этнических матриц (Тишков, 1997).

При всем многообразии существующие определения понятия «этнос» схожи между собой, тогда как понятие «этничность» («этническое самосознание») должным образом не сформулировано, «перед исследователями явление, которое, безусловно, существует,

но неизменно ускользает сквозь пальцы» (Чешко, 1994, с. 38–39). Утверждается, например, что «этничность как таковая имманентна человеку и является его атрибутивным свойством», она – субъективное отражение популяционного единства и далее «практически любой процесс этнической дифференциации связан с дивергенцией прежней общности на две ... части, обособляющиеся впоследствии в этносы по мере территориального расхождения и взаимодействия с различными субстратами... в целом этногенетическое многообразие сводимо именно к такой тенденции» (Рыбаков, 2003, с. 10, 12). Сущностным признаком этничности, понимаемой как обыденное (массовое) сознание, является, по его мнению, фактическое родство, принадлежность к нему родителей или, точнее, кровнородственно-свойственная принадлежность индивида; основа этничности, ее истоки, таким образом, в группе объединенных этими связями людей, которая строится на основе эндогамии. «В антропологии, как и в биологии, под популяцией понимают генетическую единицу. Поэтому первоочередное значение придается родственным связям... генетические популяции определяют как относительно замкнутые группы, внутри которых скрещивание особей осуществляется с большей частотой, чем за их пределами»; для самоподдержания этничности и воспроизводства этноса особое значение имеют именно брачно-кровнородственные связи, семья выступает как микроэтносоциальная единица (Бромлей, 1983, с. 41, 203). Полагают, что этническая эндогамия есть родство в широком смысле, древние популяции не могли существовать вне контекста родственных связей, этнос – это человеческая социальная общность, т. е. свойственные и родственные связи и возникший на этом фундаменте социокультурный феномен, который проявляется в этнических признаках (Рыбаков, 2003, с. 17, 19–20).

Идея зарождения этнического самосознания уже в первобытную эпоху, в рамках большой семьи, первобытной общины или эндогамных образованиях высказывалась и ранее (Алексеев, 1986, с. 136).

По мнению других исследователей, в родоплеменную эпоху этничность как социальный феномен находилась в зачаточной форме, историко-культурные особенности (в одежде, жилье, языке и т. д.) в роде и племени мало различимы, позднее, с увеличением

численности популяций, когда счет родства становится невозможным, он замещается «сакральным ощущением общности происхождения всех тех, кто причисляет себя к тому или иному народу», но окончательное оформление этничности в «качестве реальной социальной структуры» происходит лишь в процессе образования классового общества и государства и далее ... «этнос как историческая общность людей самоидентифицируется не столько осознанием единого происхождения, сколько ощущением собственных претензий на неповторимость и исключительность своих обычаев и обрядов, т. е. традиций, в значительной мере имеющих материальное воплощение ... и в языке» (Заринов, 1997, с. 23).

Приведенные взгляды на сущность этноса – этнического имеют важное значение, поскольку в известной степени дают некую схему приложения для общей характеристики выделяемых археологией культурных единиц и позволяют рассматривать их как этносоциальные исторические структуры, вкладывая в намечаемые этапы культурогенеза этническое содержание и выявляя тем самым своего рода этнические ареалы по комплексу определенных элементов. Дискуссионность проблемы не ставит под сомнение необходимость изучения этнической истории с глубокой древности, при этом имеется в виду не реконструкция древних этносов, а изучение этногенеза как непрерывного процесса в рамках крупных регионов и локальных территорий на базе всего массива существующих источников (Анфертьев, 1993, с. 62; Косменко, Кочуркина, 1996, с. 362–363). Необходимо при этом понимание необязательности определяющих этнос признаков, невозможности их разграничения по степени значимости, трудностей в выделении многих из них и опознании других для определенных отрезков времени, наконец, в выяснении исторической глубины некоторых из них, например, языка и антропологического типа (Белков, 1993, с. 48–61). Считается, что комплексное изучение этих проблем должны проводить специалисты этноистории, способные оценить и верифицировать данные всех источников, отражающих разные стороны и разнообразие этнических реальностей, избегая использования номенклатуры и терминологии наук без понимания их сущности (Анфертьев, 1993). По мнению исследователя, носители реконструированного

языка не могли не составлять этнической общности, но она не обязательно будет совпадать с выделенной археологически на основе сходства в материальной культуре; в каждой науке (источнике) следует раскрыть свои этнические признаки, выявляя как этноконсолидирующие, так и этнодивергентные. Предлагается ввести понятие этногенетического факта, т. е. объективного факта (а не в рамках гипотезы), который нес бы объективную этногенетическую информацию (выявлял этногенетические связи и проявления) и был вписан в систему других, взаимосвязан с ними в рамках этногенетической гипотезы (Напольских, Наговицин, 1990, с. 3–4).

Очевидно также, что не только комплексное изучение этногенеза, природы этнического в полном объеме, но и выявление отдельных черт этноса на любой по протяженности территории возможно не для всех этапов древней истории. Для этнореконструкций эпохи первобытности наука располагает лишь данными археологии и антропологии (Алексеев, 1977), а с учетом фрагментарности антропологических фактов, их территориальной локализации основной упор следует делать на археологические показатели, поскольку лишь они способны дать временные координаты, например, для лингвистических и антропологических реконструкций (Косменко, Кочкуркина, 1996, с. 364). Полагают также, что ныне существующие этносы (народы) сложились недавно и поиски их предков в каменном веке безнадежны (Формозов, 1977а, с. 24). В этом плане весьма важным представляется понимание этнологами археологической культуры как объединения, отражающего социальную общность с определенной мерой этничности, поскольку единство материальной и духовной культур есть фундаментальная характеристика этнического единства (Анфертьев, 1993, с. 65). Исследователь, однако, предостерегает от отождествления археологической культуры и этнической общности со всеми характеризующими ее признаками.

При всем разнообразии существующих представлений на содержание (Классификация в археологии, 1990, с. 53–61) археологическая культура – одно из исходных понятий в археологической систематике, историческая категория определенного уровня и основа для культурно-исторических интерпретаций археологических

фактов, ибо она отражает реальные и конкретные людские сообщества. Расхождения взглядов археологов, собственно, сводятся лишь к тому, имеет ли она этническую подоснову, показатели этничности и каковы они (мера этничности, по Анфертьеву) по своему значению, уровню и природе. Представляется, что решение этого вопроса, т. е. ее этнической сущности и наполненности, в полной мере возможно для поздних этапов древней истории, когда данные археологии и других наук могут быть верифицированы в рамках этногенетического факта. Для ранних этапов, в частности эпохи камня, определить наличие этнической составляющей реально при определенных условиях, например, при установлении единства и сопряженности физического облика носителей культуры и своеобразия в материальной и духовной сторонах их жизни. Археологическая культура бесспорно обладает определенными признаками этноса, отраженными в реальных фактах, объектах, явлениях, хотя многие другие, например языковое единство или принадлежность, можно лишь предполагать. И в этом смысле археологическая культура может восприниматься как этнос определенного типа, как социальная структура низшего уровня построенная на основе эндогамии и включающая несколько экзогамных групп.

В той же мере с этносом можно соотнести этнокультурную область (Формозов, 1977а), иначе общность, т. е. группу родственных, более мелких социумов (узколокальных культур), образовавшихся в процессе сегментации одной или консолидации нескольких, но в любом случае генетически единых; не исключается в рамках такого сообщества и языковое единство (Гурина, 1973, с. 15–21). Введение этого понятия «положило начало новым направлениям в изучении первобытности – проблемам этноса применительно к этой эпохе и культурного деления мезолитического населения Восточной Европы» (Кольцов, 1989а, б, с. 8). Представляется, что именно в рамках понятий «археологическая культура» и «этнокультурная общность», содержащих ряд признаков этноса на начальных этапах его сложения, возможно изучение этноисторических процессов в эпоху первобытности, в том числе решение проблем генезиса исторических народов.

Совершенно необходимо при этом понимание ограниченных возможностей археологии и трудностей чисто археологического порядка, обусловленных ее особенностями как науки. Безусловно, с ее помощью можно реконструировать картину «изменений во времени и пространстве сохранившихся элементов материальной культуры, установить степень их взаимной корреляции и в результате построить более или менее полную, в идеале адекватную модель исторического процесса в древней культуре», понимаемой как структура в движении с набором определенных ценностей и приоритетов. Для этого необходим наряду с формальным также содержательный анализ, способный выявить движущие силы изменчивости элементов культуры, причины устойчивости их комбинаций (Косменко, 1996а, с. 12). Известны трудности в выделении культуроопределяющих критериев в локальных культурах или группах памятников и крупных объединениях в силу многих объективных причин (недостаточной изученности, ненадежной стратификации данных и т. д.), культурной атрибуции и опознании единства (однокультурности) археологических фактов и явлений, не говоря уже о чертах с этническим содержанием, определении степени их независимости, например, от природных, технологических, других факторов. Особенно сложно выяснение характера взаимоотношений между крупными территориальными образованиями. Для древнейших эпох они могут быть выявлены пока лишь по основным направлениям связей и аналогам в конкретных материалах (Ошибкина, 1997, с. 147–151; Кольцов, 2000, с. 52–56).

Ту же степень сложности имеет проблема смены культур во времени и пространстве, во всех случаях носивших индивидуальный характер (Косменко, Кочкуркина, 1996, с. 35). В ней всегда необходимо различать хронологический и культурный аспекты. Если хронология обычно устанавливается более или менее точно, то для выявления культурной преемственности необходимы особые процедуры сравнительного анализа. Требуется определить происхождение, причины появления и степень значимости признаков в культуре, проследить динамику и характер их изменчивости, соотношения традиций и инноваций на основе конкретных материалов и т. д. (Косменко, 1996а, с. 12–13). Крайне важна

оценка внутреннего состояния культуры, наличия факторов и стимулов к восприятию новаций и качественному переосмыслению традиционных форм и явлений и т. д., что в конечном счете определяет сущность процессов при их смене. В то же время даже установление факта культурной преемственности не всегда означает кардинальные перемены, например, в языке или антропологическом типе.

Исследователи понимают необходимость изучения этноисторических процессов в древности на базе комплексного подхода, по возможности прослеживая пространственно-временные изменения различных сторон культуры (культурогенез) и признаками этноса (этногенез) во взаимосвязи. В некоторых случаях такой подход только декларируется, слабо обеспечен данными, а изыскания в завуалированной форме преследуют отнюдь не научные цели. В контексте данной темы можно указать на работы некоторых финляндских археологов, посвященных выяснению истоков народов финно-угорской языковой семьи. В части, связанной с древнейшими этапами, привлекаются материалы по мезолиту территории Карелии, решаются вопросы их генезиса и этнокультурной принадлежности, обычно в рамках давно известных концепций (восточной, западной и т. д., см. ст. М. Г. Косменко в наст. сб.).

В одной из таких работ (Nuñez, 1998, с.151–160) с предками современных финноязычных народов в этом регионе связывается палеолитическое население Русской равнины, продвинувшееся в северном – северо-западном направлении через Карелию и далее в Финляндию около 7500 л. н. Это, по мнению исследователя, подтверждается незначительностью различий между мезолитическими культурами и культурными типами древностей последующих эпох и свидетельствует об этнокультурной преемственности. Эти предки финнов, вероятнее всего, считает он, говорили на соответствующих языках или диалектах, хотя лингвистически подтвердить это невозможно. Выступая против восточной миграционной гипотезы (в старом и новом ее вариантах) о появлении финноязычных народов в неолитическую или более поздние эпохи, М. Nuñez выдвигает ряд спекулятивных контрдоводов (число иммигрантов бывает много меньше числа аборигенов; иммигранты, как правило,

ассимилируются даже в случае более высокого уровня своей культуры; аборигены могут принять новый язык только при полном исчезновении и т. д.) и подчеркивает некоторые слабые места этой концепции, обусловленные неразработанностью проблематики культурной преемственности типов древностей (появление особенностей не обязательно объяснимо только потоком нового населения, принятие элементов новой культуры происходит с различной степенью готовности, например, гены, слова и изделия заимствуются быстрее, чем язык и традиции), и подкрепляет эти доводы археологическими данными, признавая лишь одну миграцию носителей шнуровой керамики, тоже ассимилированных аборигенным финским населением. Небольшие инновации в культуре автохтонных финнов он считает не соответствующими этнокультурным изменениям, а, оспаривая модель языкового древа и существование географически ограниченной уральской прародины, иллюстрирует свои выводы достаточно умозрительными утверждениями (языки вообще гибричны по механизму своего сложения, процессы их развития сложнее, чем представляется лингвистам, а идеи прародины по распространению некоторых видов растений и животных – мед, пчелы и т. д. – не согласуются с палеогеографическими данными).

Отстаивая идею автохтонности от верхнего палеолита исторических финноязычных народов, другие исследователи предлагают схему их формирования как носителей уральских/финноугорских языков на основе анализа данных археологии и лингвистики (Carpelan, 2001a, p. 37–49; Carpelan and Parpola, 2001, p. 240–242). Следует отметить понимание исследователями археологической культуры как обусловленного внутренними факторами и связями единства, базирующегося на общей однородности, т. е. культурном и/или этническом тождестве, общем языке и сфере брачных отношений. Исследователи признают многообразие процессов между культурами, но считают, что при этом распространяется весь комплекс культурных особенностей. Предполагается, однако, что археологически отслеженные движения означают и языковое влияние, они, вероятно, переносили и генетический материал. Считают доказанным разделение единого палеолитического

(граветтского) населения Европы в максимум последнего оледенения на западный и восточный массивы, что и определило дальнейшие пути колонизации и соответствующие генетические, языковые, культурные и хронологические явления в Северной Европе. С началом дегляциации население западного массива движется на север по атлантическому побережью Швеции и Норвегии и далее в некоторые районы северной Финляндии, тогда как население восточного в южнорусских степях (граветтский технокомплекс или восточный граветт), полагают исследователи, длительное время оставалось неподвижным, с замедленными темпами развития вплоть до появления в южной Прибалтике, северо-западных областях России и Волго-Окском междуречье носителей свидерской культур, групп аренсбургской, федермессер и бромме. На их основе формируются мезолитические культуры. По мере сложения благоприятных условий группы этого населения продвигаются на север, возможно, по типу бутылочных горлышек, с последующими эффектами основателей и дрейфами в генетическом, языковом и культурном планах. На их основе складывается ряд культур, главным компонентом которых являлся свидерский (бутовская, кунда, веретинская и др.). С запада им противостояли культуры круга дювензее (маглемозе), с востока (район рек Камы и Вятки) комплексы типа Романовка – Ильмурзино. Около 9600 л.н. (8770 cal BC) граница расселения на севере проходила по линии Пулли – Веретье. Двигаясь далее на северо-запад, постсвидерское население около 8960 л.н. достигает широты г. Кеми в Карелии, а около 8320 л.н. – северной Финляндии, где встретилось с потоком первооселенцев западного массива (Carpelan, 2001a, p. 45). Исследователь полагает, что предложенную схему заселения северо-западных областей России и восточной Финляндии подтверждают биоантропологические данные, которые указывают на появление здесь западных элементов и на отсутствие связи первого населения этого региона с популяциями из-за Урала, определяя тем самым в качестве прародины область Украины – Молдавии.

Согласно с данными некоторых лингвистов предполагается формирование протоуральского языка в пределах восточного палеолитического массива, вытеснившего протоиндоевропейские и

более древние европейские языки других групп. Его носителями являлось население свидерской общности, но он мог зародиться и в южнорусских степях у редкого населения верхнего палеолита. Архаическая форма этого палеопротоуральского языка у населения раннего мезолита в Восточной Европе и начинала уральскую хронологическую колонку, хотя доступные реконструкции языки этой группы сформировались позднее. «Волна влияния» в раннем неолите в лице верхневолжской культуры принесла в восточную Финляндию (через территорию Карелии) керамику стиля I:1 и родственный прапротоуральский язык, а позднее, с появлением носителей ямочно-гребенчатой и протоволосовской керамик, говоривших на позднем протоуральском языке, складывается протофинский, разделившийся впоследствии на финский и саамский (Sagrelan and Parpola, 2001, p. 247). Одним из оснований для своих выводов исследователи считают отсутствие в постсвидерских культурах признаков культур восточнее верхней Волги, в то время как некоторые южные элементы (молотки с отверстием и боковыми выступами в мезолите Финляндии) есть в восточноевропейском энеолите. Подтверждением этому полагают заимствования из языков, на базе которых складывался протоиндоевропейский язык (энеолитическая ямная культура) в междуречье Дуная и Дона, который не может иметь палеолитических корней, поскольку носители протоиндоевропейского языка появились как чуждые популяции в начале и на поздних этапах мезолита.

В археологическом обосновании своих схем первичного заселения северо-западных областей Восточной Европы финляндские ученые опираются на представления ряда российских археологов на эту проблему, не указывая на их противоречивость, недоказанность многих выводов и игнорируя мнения других исследователей. Тенденциозна подборка данных антропологии и лингвистики. Такой односторонний подход к интерпретации имеющихся фактов во многом обусловлен не только недостаточной разработкой методологии этногенетических исследований, осмысления накопленных фактов в разных науках и их систематизации на базе старых схем без должной корректировки, но и тем, что в изучении древнейших этапов истории финно-угорских народов неправомерной стала

ведущая роль сравнительно-исторического языкознания, когда модель древа языков воспринимается как модель этнических процессов, аналоги археологическим культурам ищут в выделенных лингвистами языковых общностях, а комплексный подход сводится к иллюстрации данных других наук (Напольских, Наговицин, 1990, с. 3). Исследователи настаивают на признании равноценности источников (с учетом степени информативности каждого), поскольку они отражают разные стороны этногенетических процессов. «При исследовании происхождения финно-угорских этносов необходимо учитывать, что речь идет о предыстории языковой общности, ... задача состоит в объяснении древних языковых процессов», а констатация миграции или автохтонности по археологическим данным не свидетельствует об обязательной смене материальной культуры и, наоборот, смену языков необходимо подтвердить или опровергнуть наличием субстратных явлений (Напольских, Наговицин, 1990, с. 7).

По мнению В. В. Напольских, несостоятельна гипотеза о связи с предками народов финно-угорской языковой семьи носителей неолитической ямочно-гребенчатой и гребенчатой керамики, поскольку не доказан их общий источник. Ими, считает он, не могло быть население мезолита свидерской традиции в силу недоказанности преемственности развития с культурами неолита. Необъяснимо в этом случае происхождение пермских, угорских и самодийских народов, безусловно, не связанных с постсвидерским мезолитом, а также отсутствие антропологического единства и наличие монголоидных признаков у европейских финно-угров. Признание этой гипотезы, по мнению В.В. Напольских, удревняет на 2000 лет дату распада финно-угорских языков и, по сути, ведет к пересмотру методов сравнительно-исторического языкознания. Не находит объяснения в этом случае наличие в центральной и северной частях Восточной Европы дофинского (не уральского и не индоевропейского) языкового пласта (Напольских, 1990, с. 40–67). Касаясь непосредственно территории Карелии, исследователь основывается на археологических выводах о вероятной ассимиляции населения культуры сперрингс носителями ямочно-гребенчатой керамики, говоривших на палеоевропейских языках. Их наследниками

явилось население асбестовой керамики – предки протосаамов до их перехода на финно-угорскую речь, которая появилась здесь в виде финско-волжского языка. Субстратный пласт в протосаамском языке исследователь связывает с палеоевропейским, на котором говорило население преемственных культур мезолита – сперрингс – ямочно-гребенчатой – асбестовой керамики, при этом допускает, что этот субстрат (или часть его) был языком аборигенов северных областей – носителей культуры сперрингс, если иметь в виду ее восточное происхождение. Эти выводы, по его мнению, подкрепляются данными антропологии, отрицающими монголоидную примесь у населения ямочно-гребенчатой посуды (и тем самым финно-угорскую принадлежность их языков). В составе предков саамов некоторые антропологи выделяют европеоидный компонент и древние элементы азиатского происхождения, возможно, близкие общим предкам уральцев и юкагиров. Носители антропологических юкагирско-уральских признаков могли впервые достичь Карелии в несмешанном виде в мезолите (как предки населения керамики сперрингс), затем в виде групп из восточных районов евразийской Субарктики и в метисированном виде как представители культуры сетчатой керамики. Две первые группы могли быть и не уралоязычными (Напольских, 1990, с. 52). Исследователь полагает возможным, опираясь на выводы некоторых антропологов (Бунак, 1956; Марк, 1970), существование на востоке, севере и в центре Восточной Европы еще в палеолите североевропейских плосколицых популяций – крайне западных в цепи недифференцированных типов с противоречивым сочетанием европеоидных и восточных признаков.

Предлагаемая В. В. Напольских реконструкция палеоистории народов финно-угорской языковой семьи высоко оценивается специалистами, вместе с тем указывается на известные противоречия, обусловленные в первую очередь опорой на устаревшие или слабо аргументированные археологические выводы (Косарев, Кузьминых, 2000, с. 385–396). Это также касается археологической проблематики Карелии. Так, достоверно не установлена преемственность культуры керамики сперрингс от мезолитической, более того, высказываются предположения об отсутствии таковой

(Филатова, 2004а, с. 85–87). Происхождение керамики сперрингс в последнее время связывают с центральными областями Восточной Европы (Косменко, 1996а, с. 19; Герман, 2001, с. 16). Совершенно неясен характер взаимодействия между неолитическими культурами сперрингс и ранней ямочно-гребенчатой, достоверно не установлена их связь с поздненеолитической гребенчато-ямочной, последней – с ромбоямочной и более поздними. Явно устарела, не выдержав апробацию новыми материалами, схема Г. А. Панкрушева о хронологии и культурной атрибуции мезолитических древностей Карелии. По-прежнему дискутируются вопросы происхождения антропологического типа погребенных в Оленеостровском могильнике.

Очевидно, что на современном уровне знаний истоки западных народов финно-угорской языковой семьи в палеолите – неолите определяются на уровне гипотез, в той мере далеких от реальностей, в какой далеки от нее основания этих предположений. Это отнюдь не означает полной бесперспективности в изучении начальных этапов этногенеза финноязычных народов. С накоплением источников по всем разделам исторической науки вполне возможны самые глубокие ретроспекции. Изучение этноисторических процессов должно идти по пути более полных реконструкций истории материальной культуры и интерпретации ее содержания. Только в случае решения этих проблем станет возможным использование материалов эпохи камня в этноисторических ретроспекциях. Пока же археология, по крайней мере в Карелии, стоит в самом начале этого пути.

Основные концепции генезиса мезолитических древностей Карелии

Как уже отмечалось, спорность и необоснованность некоторых из существующих концепций касательно ранних этапов этногенеза финноязычных народов во многом обусловлена недостаточным количеством археологических фактов и опорой на устаревшие или принятые без должной критической оценки мнения. Это относится к мезолитическим древностям территории Карелии. Далее

попытаемся охарактеризовать современное состояние знаний об их происхождении и культурной принадлежности.

На возможность существования донеолитического (докерамического) этапа в регионе указывал еще Б. Ф. Земляков в 30-х гг. XX в. Как самостоятельный период мезолит был обоснован позднее в хронологических рамках, согласованных с известными неолитическими материалами (VI–IV тыс. до н. э.), и считался производным от финляндской культуры аскола – суомусъярви (Гурина, 1961, с. 26–40). Дальнейшие исследования значительно увеличили корпус мезолитических материалов, позднее была предложена хронология и периодизация, концепция их происхождения и этнокультурной принадлежности (Панкрушев, 1978). Исследователь выделяет две неоднородные в культурном плане группировки: 1 – древнейшую (с X тыс. до н. э.) с кварцевым и сланцевым инвентарем протосаамскую, связанную происхождением с районами Приуралья – Зауралья, и 2 – пришлую с кремневым инвентарем (с VIII тыс. до н. э.) протоугро-финскую, генезис которой видел в мезолите Волго-Окского междуречья. Носители первой, по его мнению, продвинулись в Финляндию, основав там единую для обоих регионов культуру аскола – суомусъярви, ареал второй ограничивался юго-восточной частью Карелии. Обе они сосуществовали вплоть до рубежа IV – III тыс. до н. э., затем в среде протосаамов появляется керамика, родственная финляндской стиля 1:1, и в результате складывается опять же общая для этих областей культура сперрингс. Население кремневого мезолита пополнилось новыми родственными группами из Волго-Окского междуречья с ямочно-гребенчатой керамикой. В дальнейшем в ходе ассимиляции обеих неолитических культур складывается карельская – прямой предок финноязычных этносов территории. Эту культурную схему карельского мезолита поддержала Н. Н. Гурина, уточнив нижнюю границу (до VIII тыс. до н. э.) и проигнорировав этническую составляющую, но приняв идею единой культуры времени мезолита – неолита для территории Карелии и Финляндии (Гурина, 1989, с. 27–31).

В 1970–1990-х гг. в Карелии были открыты и исследованы на значительных участках десятки поселений мезолита, в том числе с

остатками жилищ (Косменко, Витенкова, 1980; Песонен, 1982, 1984, 1986; Журавлев, 1983; Филатова, 1986, 1988а, б). Полученный в ходе работ значительный материал не укладывался в прежние этнокультурные и хронологические схемы. Сомнения вызывала правомерность использования в качестве основного культурного индикатора вида используемого сырья, по сути отражающего не культурную принадлежность и происхождение, а адаптивные моменты становления и развития материальной культуры в условиях, диктовавших для любой культурной группировки населения полный комплект жизненно необходимых изделий только на базе нескольких видов местных горных пород и привозного кремня. Наблюдается их строгое разграничение в зависимости от свойств и структурных особенностей, приспособленности к обработке характерными для эпохи способами и применение в соответствии с этим для определенных групп изделий, например, сланца для макроформ и поделок оригинального облика, кварца для утилитарно-бытовых и массовых орудий типа скребков, резцов, скобелей и пр., а кремня главным образом для инструментов, обеспечивающих охотничий промысел (наконечники стрел, ножи). Взаимозамены крайне редки и касаются в первую очередь кремня, который при значительных объемах поступлений чаще шел для скребков вместо кварца, но никогда для макроформ, даже в ближайших от его месторождений районах на юго-восточном и юго-западном побережьях Онежского озера. Такое распределение сырья характерно как для «местного кварцево-сланцевого», так и для «пришлого кремневого мезолита» и в целом сохраняется в последующие эпохи.

Существенным, вызывающим недоверие к схеме Г. А. Панкрушева, является другое. Согласно ряду важнейших для каменной индустрии функционально-видовых, морфотипологических показателей, уровню и тенденциям ее развития в целом и в технико-технологических параметрах, других сторонах материальной культуры все известные к настоящему времени мезолитические древности Карелии действительно можно подразделить на две неоднородные в культурном плане группы, но каждая с четкой территориальной локализацией. Одну из них образуют памятники юго-

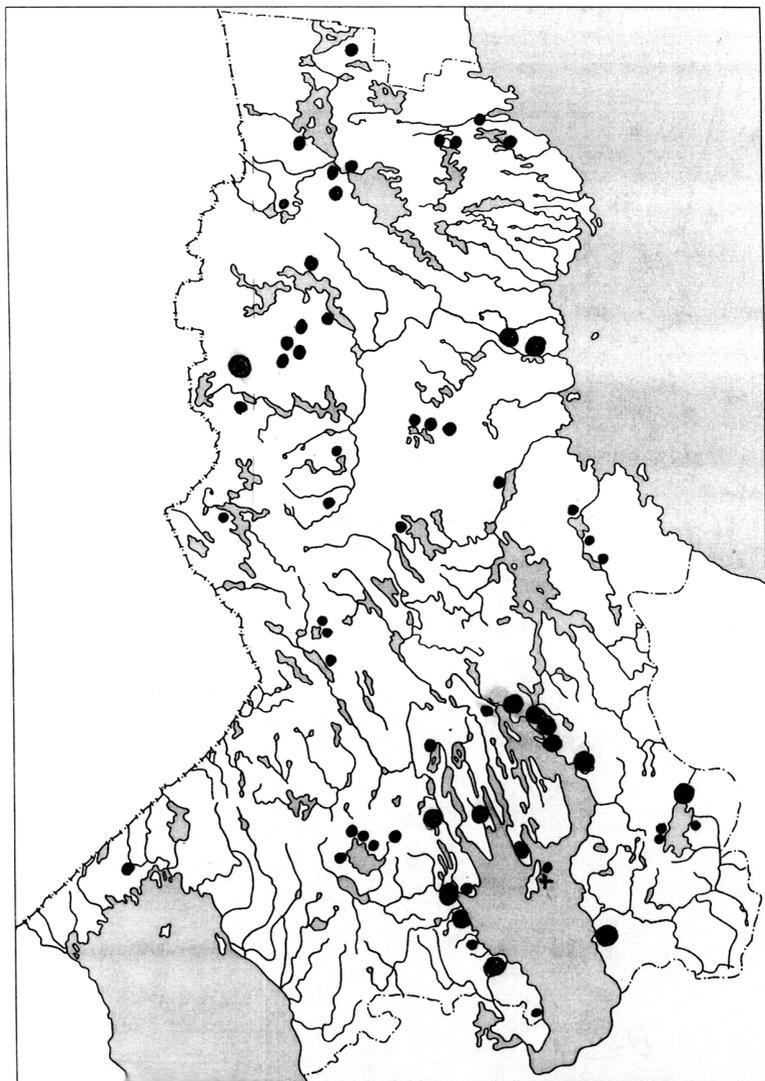
восточной части Карелии, вторую – северо-западных – северных районов. Совершенно не изучены археологически Приладожье и Онежско-Ладожский перешеек и срединная часть края, где исследованы небольшими участками единичные объекты, материалы их из-за малочисленности культурной атрибуции не поддаются. Таким образом, более или менее обоснованные суждения можно делать лишь для двух участков территории. Необходимо при этом иметь в виду их приуроченность к крупным природным массивам и водным бассейнам, направленность оптимальных (с поздне-последнеледниковья) путей сообщения с соседними регионами, а также наличие в последних складывающихся или уже сложившихся культурных группировок и их состояние.

Следует остановиться на вопросе о взаимоотношениях мезолита Карелии и Финляндии. Представляется, что объединение кварцевых – кварцево-сланцевых комплексов этих регионов в одну археологическую культуру не отвечает принципу территориальности из-за чрезмерных размеров территории. Но главное, в мезолитических комплексах Карелии, причем не только юго-восточных, но и северо-западных – северных, отсутствуют черты сходства с финляндскими. Характерные для культуры аскола – суомусъярви формы и типы изделий, жилища и пр. (Luho, 1967, p. 1–125) существенно иные, с чем согласны другие исследователи (Шахнович, 1998, с. 155). Кроме того, по некоторым данным (Мейнандер, 1982, с. 10–12; Matiskainen, 1987, p. 19–21; Siiriäinen, 1989) место комплексов типа аскола (с исключительно кварцевым инвентарем) в мезолите Финляндии окончательно не определено, а культура суомусъярви рассматривается как локальная, характерная лишь для юго-западной части. Мезолит Финляндии делится на две фазы (анциловую и литориновую) без региональной дифференциации и однороден по генезису и культурной принадлежности (Matiskainen, 1989, p.22). Согласно другим мнениям (Carpelan, 2001a, p. 41–46), мезолит западных районов связан с кругом западноевропейских аренсбургских, а восточных и части северных – с кругом постсвидерских культур Восточной Европы, при этом крайне северные участки могли заселяться с севера Норвегии или Швеции. Считают также возможным заселение Финляндии и северо-западных и

северных районов Карелии с территории культуры кунда, последнюю рассматривают как единый обширный ареал родственных культур (восточная кунда) от Балтийского моря до восточного Прионежья, включая веретинскую культуру (Schulz, 1998). Существующие противоречия обусловлены слабой фактической базой при обилии общих идей, а также недостаточным знанием мезолита Карелии.

Мезолит северных – северо-западных районов Карелии. К настоящему времени здесь выявлено примерно 100 стоянок, но исследовано около 20, в основном в нижнем течении р. Кеми, несколько – на северном берегу оз. Кереть и внутренних озерно-речных системах (см.: Косменко, 1978; Песонен, 1986). Географически все памятники прилежат бассейну Белого моря. Водораздельные участки местности ограничивают район от юго-восточной части края и восточной Финляндии (рис.).

По своим природным условиям в мезолитическое время эти районы отличались от южных, что, несомненно, должно было сказаться на многих сторонах жизни древнего населения. Дегляциация последнего ледникового покрова началась здесь значительно позже, а во внутриматериковой области осложнялась длительным существованием остаточных массивов льдов. Вплоть до среднего голоцена сказывались колебания уровня Белого моря, воды которого периодически затопляли значительные участки местности, образуя глубокие внутренние морские заливы в продолинах рек Кеми, Керети, Выга и др. (Девятова, 1976, с. 87–112; Демидов, 2002, с. 10–18; Елина и др., 2000, с. 209–217; рис. 97–102). Тундровые и лесные биоценозы начинают складываться сначала в западной части в РВ-периоде, в восточной в это время (в том числе на участках с памятниками), распространялись морские воды. Оптимальная для обитания человека природная среда по комплексу факторов оформляется к середине ВО-периода на фоне неоднократных колебаний уровня моря. В течение крупной трансгрессии фолас площадки самых высокорасположенных памятников (кемская группа, 70,68 м абс. выс.) перекрывались водами моря, однако следов переотложенности и размыва вмещающих культурные остатки отложений не отмечалось, их характер свидетельствует о непрерывности процесса

- – одиночные поселения
- – группы от 5 и более поселений
- + – могильник

Мезолитические памятники Карелии

формирования позднее. Нарушения культурных слоев природного характера не наблюдались на стоянках внутриматериковой части, приуроченных к мелким озерно-речным системам, связанным в свою очередь с морскими заливами и крупными реками. Все это заставляет предполагать довольно позднее освоение этих районов человеком в сравнении с южными.

Все памятники обнаруживают тесное сходство по основным показателям индустрии камня, на этом основании могут быть признаны однородными в культурном плане и по своему происхождению. Наиболее близкими им по тем же признакам оказываются стоянки на Кандалакшском берегу Белого моря, которые в свою очередь тяготеют к комплексам прибрежных соседних районов Кольского полуострова (Песонен, 1978, с. 158–159; Филатова, 1991, с. 51–62, 2003, с. 120–123). В том же плане они резко противостоят комплексам юго-восточной Карелии, существенные различия в технико-технологических, морфотипологических и других показателях с полным основанием могут быть отнесены к числу указывающих на их генетическую неоднородность. Главенство кварцевого сырья на некоторых северокарельских стоянках в значительной степени определяется природными условиями, наличие только кварцевых изделий не свидетельствует об их древности, как пытался доказать Г. А. Панкрушев. Обращает внимание ограниченность видового состава, господство одного вида (скребков) и небольшое число или единичность прочих мелких бытовых форм (резцов, сверл и т. д.) при полном отсутствии макроформ и других необходимых для жизни изделий. Это ставит вопрос о назначении данных стоянок как сезонных мест обитания на период ведения промыслов (охоты, рыбной ловли и пр.), что подтверждается их незначительной площадью (200–500 м²). Имеются памятники более длительного периода существования и другого назначения, с иным набором изделий, в том числе из сланца, кремня и пр., с остатками жилых сооружений. Типологически самые ранние северокарельские комплексы датируются второй половиной VI тыс. до н.э., что вполне согласуется с палеогеографическими данными. Предложенная Г. А. Панкрушевым дата (X–VII тыс. до н. э. на основе высотных показателей) противоречит характеру инвентаря.

Основываясь на существующих данных, все мезолитические комплексы этой части Карелии можно рассматривать как северокарельскую, слабо структурированную в социальном и территориальном планах культурную группировку, включающую несколько групп родственного по своему происхождению населения. Такое объединение представляется более отвечающим фактам, чем предлагаемые некоторыми исследователями не совсем понятные и неопределенные по своему рангу и содержанию конструкции типа «культурной провинции» или «северного локального варианта» онежской культуры (юго-восточная Карелия) и суомусъярви южной Финляндии (Шахнович; 1998, с. 155). Можно предполагать по аналогии с мезолитом восточных районов Северной Фенноскандии (Шумкин, 1993, с. 34–59) существование здесь комплексного хозяйства на основе морского собирательства в летние сезоны и охоты на лесных животных при откочевках в лесную – тундровую зону зимой. Вероятно предположение о разных типах хозяйствования у родственных групп (лесные и морские охотники-рыболовы). Генетически население данной общности через группы на Кандалакшском побережье Белого моря может быть связано с населением соседних прибрежных юго-восточных районов Кольского полуострова и опосредованно – с кругом западноевропейских ранне-мезолитических образований.

В мезолитических комплексах северной Карелии отсутствуют постсвидерские черты в индустрии. Следует также иметь в виду, что они противостоят восточнофинляндским не только по показателям материальной культуры, но и территориально, отделяясь водораздельными участками местности. Все это заставляет критически относиться к идее заселения данной территории из области Волго-Окского междуречья (Carpelan, 2001a) или группами кундско-бутовской общности через Онежско-Ладожский перешеек (Жилин, 2002a), равно как к идее включения кварцевых–кварцевосланцевых комплексов всей Карелии (в рамках выделенных Г. А. Панкрусевым) в культуру аскола – суомусъярви, рассматривая последнюю как результат сегментации культуры комса Северной Фенноскандии и движения ее населения на юг около VII тыс. до н. э. (Кольцов, 2000, с. 54–56). Несостоятельной

представляется гипотеза Г. А. Панкрушева о связи северокарельского мезолита с восточным приуральским или зауральским, и, по сути, та же, но в несколько укороченном виде идея о заселении северных–северо-западных районов Карелии и восточной Финляндии из южных районов восточного Прионежья (Шахнович, 2000, с. 86). Если иметь в виду явные и существенные различия между северокарельскими мезолитическими комплексами (не говоря уже о юго-восточных) и восточнофинляндскими, сходство последних с южнофинляндскими (культура суомусъярви) и их отличие от кундских, то можно предположить один путь заселения территории Финляндии потоком западноевропейского населения через Скандинавский полуостров.

Мезолит бассейна Онежского озера. Он представлен значительной группой памятников (около 170), хорошо локализованной территориально на площади примерно 260×100 км, отделенной от других частей края водораздельными участками местности и связанной с бассейном верхней Волги и с Балтийским морем. Исследовано более 70 объектов на участках от 12–20 до 500 м². На 15 поселениях вскрыты остатки жилищ (всего около 30), многочисленные хозяйственные сооружения – очаги из камня, каменные кладки и кострища разного характера и назначения и пр. (Филатова, 2004б). Все памятники размещаются по берегам Онежского озера и крупных озер его бассейна группами по 2–5 одновременных на расстоянии от 7–14 до 50 км друг от друга, что в известной степени характеризует традиции в системе расселения. Всего выявлено 15 таких групп, хотя их число при дальнейших исследованиях может увеличиться. Большинство поселений в момент существования, как показали палеогеографические исследования (см.: Девятова, 1986; Девятова и др., 1987), располагались на небольших островах вблизи континентальных берегов.

Изучение материалов выявило теснейшее единство всех онежских комплексов по технико-технологическим и морфотипологическим показателям в индустрии камня, в формах и типах жилых и прочих сооружений, принципах их строительства, топографии и условий размещения на местности, структуре и внутренней планировке поселений. Едины элементы культуры, отражающие

некоторые духовные и мировоззренческие стороны жизни. На основании этого все комплексы бассейна Онежского озера могут быть объединены в одну, онежскую, группировку в ранге археологической культуры (Филатова, 2004б). В нее органично входят стоянки кварцевого, кварцево-сланцевого и кремневого мезолита, которые хорошо вписываются в единую систему поселений разного назначения (базовые поселки с жилищами круглогодичного обитания, сезонные летние поселения и промысловые становища, сезонные зимние и летние стоянки), существовавшие синхронно (сезонные в качестве вспомогательных к базовым поселкам на период ведения промыслов) или самостоятельно в качестве единственных мест обитания (сезонные стоянки в финале культуры). Эта система отражает хозяйственно-экономическую структуру общества и разные, обусловленные внутренними факторами, хронологические этапы его развития. Установлены единообразие и одновременность процессов и динамики изменений на всей территории и во всех сторонах материальной культуры, что укрепляет тезис об однокультурности комплексов.

Для решения вопросов периодизации и хронологии онежских мезолитических памятников привлекались разные способы абсолютного и относительного датирования. Одним из них послужили палеогеографические и геоморфологические данные, давшие хроностратиграфическую основу для определения относительного и вероятного времени существования памятников (см.: Девятова, 1984, 1986; Девятова и др., 1987; Елина и др., 2000; Демидов и др. 2001). Установлено, что оптимальные для человека условия в регионе сложились не ранее РВ-периода, около 9300–8500 л. н.

Использовались радиоуглеродные датировки (не калиброваны), но их число пока незначительно по разным причинам, основная из них – трудности в отборе надежных по условиям залегания образцов (угля) в песчаных почвах, где культурные остатки сосредоточиваются на глубине от 0,05–0,10 до 0,7 м от современной поверхности или в погребенных под поздними отложениями, насыщенных пеплом и угольками почвах на глубине от 0,7 до 1,2–1,4 м. Границы существования культуры на основании самых надежных из них устанавливаются в пределах от 7720±100 (Оровнаволок IX)

до 7140 ± 80 , 7100 ± 50 , 7050 ± 150 (Пегрема VIII) – 6740 ± 50 л. н. (Оровनावолок XII). Последняя дата (по образцу торфа) фиксирует начало торфообразования в заливе, на берегу которого располагалось поселение, оно, по мнению Э. И. Девятовой, должно было прекратить свое существование на 200–300 лет раньше. Имеются более ранние даты – 8300 ± 80 (Бесов Нос VI) и 7940 ± 120 л. н. (Муромское VII), но связь первой с культурным слоем проблематична, археологический материал более всего синхронизируется с другой датой из того же нижнего слоя (7560 ± 100 л. н.). То же самое относится к ранней дате Муромского VII, мезолитический комплекс которого имеет много черт сходства с поселением Бесов Нос VI и более всего согласуется с другой из имеющихся дат (7600 ± 120 л. н.). Следует отметить, однако, что значительная площадь 6, и число (до шести) жилищ мезолитического поселения на его площадке (Косменко, 1992, с. 56–69) свидетельствуют о длительности существования и возможном возникновении несколько раньше, в пределах первой половины VI тыс. до н.э. Приведенные даты в целом неплохо коррелируются с палеогеографическими данными и археологическими материалами. Самая поздняя из всех имеющихся (сезонное поселение Черная Губа XIX, 6530 ± 80 л.н.) сомнительна по условиям залегания образца (угля из очага на глубине 0,35–0,4 м) и несоответствию инвентарю, тем более что вторая дата (3200 ± 60 л.н.) для этого памятника из линзы кострища на глубине 0,2–0,4 м ни с какими материалами не согласуется. Выявлена группа поселений более раннего времени, характеризующая начальный этап становления культуры (вторая четверть – середина VII тыс. до н. э. Их возраст устанавливался при сравнительном анализе с материалами других памятников, датированных разными способами.

Отметим, что общая схема хронологии онежских мезолитических комплексов разрабатывалась на базе синхронизации схем для локальных групп памятников (см.: Филатова, 2004б, табл. IV). Дело в том, что расположение нескольких поселений в таких группах вблизи друг друга (иногда в нескольких метрах), но в иных топографических и геоморфологических условиях (на разных по высоте и времени формирования древних береговых террасах и их

промежуточных уступах, в разных по литологии и, следовательно, процессам и времени образования осадках и т. д.) уже предполагает некую хронологическую последовательность существования. Каждая из таких групп занимает участки местности в пределах 1–2 км². Уже в силу такого размещения одновременное существование рядом нескольких поселений практически исключается. Для некоторых участков побережья Онежского озера устанавливается непрерывность обитания в течение всей эпохи мезолита. Разработанная схема периодизации онежского мезолита отражает этапы развития, обусловленные внутренними факторами. Примечательно отсутствие резких спадов или подъемов, а также инноваций, которые можно было бы соотнести с чужеродными влияниями или взаимодействиями с культурами других областей. Фиксируется лишь поступление кремневого сырья с разной степенью регулярности.

К числу характеризующих онежскую культуру памятников относится Оленеостровский могильник, пока единственный достоверный (Филатова, 2002, с. 177) погребальный комплекс, занимающий свое место в схеме ее периодизации и хронологии. Обращает внимание его расположение практически в центре ее территории, почти на равном удалении от локальных групп поселений, а также размещение на небольшом острове, столь характерное для поселений культуры. На сохранившейся части площадки вскрыто 177 погребений, но общее число захороненных могло достигать 600 (Гурина, 1956). Изучение сопровождающего погребения вещественного инвентаря в сравнительном плане с онежскими поселенческими мезолитическими комплексами (см.: Филатова, 2002, с. 177–211) показало теснейшее сходство по всем основным показателям. Для могильника характерен тот же принцип распределения видов сырья и сфер его применения. Единичность кварцевого инвентаря обусловлена характером памятника и, очевидно, обрядовыми нормами, не допускающими в качестве погребальных атрибутов утилитарно-бытовых массовых изделий (скребки, резцы, сверла и пр.), которые производились в основном из кварца. Этот вывод подтверждает единичность в могильнике таких же форм из кремня. К данной группе изделий, судя по морфопоказателям, относятся

наконечники стрел из кварца. Примечательно также, что большинство сланцевых крупных орудий могильника аналогичны широко распространенным на онежских поселениях мотыгам для работ по земле и кайлам для дробления льда. Лишь одно изделие можно отнести к числу тоже типичных деревообрабатывающих инструментов типа тесел. Что же касается сланцевых ножей, то, судя по их особому в сравнении с другими предметами расположению (над головой погребаемых) и незначительному числу в богатейших и разнообразнейших сланцевых поселенческих комплексах (известно 13 аналогичных ножей из поселений на западном, северном и северо-восточном побережьях озера), они, вероятнее всего, выполняли роль погребальных атрибутов специального назначения. Не устанавливается их связи с какими-либо группами погребенных или частями площадки. Отметим, что функция этих изделий достоверно не определена, но, по-видимому, связана с определенной символикой и была одноразовой, поскольку для длительного использования (в качестве ножей, пил и пр.) эти изделия из-за своей хрупкости непригодны. Комплексы инвентаря могильника и поселений тождественны по технико-технологическим и морфотипологическим показателям главнейших и массовых форм, в том числе кремневых наконечников стрел, безусловно, местного происхождения. Весьма показательны, что аналоги всем каменным изделиям могильника имеются на поселениях из разных локально-территориальных групп, составляющих в сумме онежскую культуру. Выявлена группа наиболее тесно связанных с могильником, датированных временем от середины VII до начала VI тыс. до н. э. (в пределах 8500–7800 л. н.). Время существования некрополя, если исходить из чрезвычайной типологической и хронологической однородности его материалов (на что указывала и Н. Н. Гурина), был, по-видимому, несколько меньшим. Заметные эволюционные изменения материальной культуры в онежском ареале отчетливо фиксируются через интервалы не более чем в 300 лет. Можно предполагать такой отрезок времени максимальным для функционирования могильника. Не исключается некоторое уточнение нижней границы в сторону удревнения, но верхняя не может быть моложе установленной.

Существующие для памятника даты по С¹⁴ (Мамонова, Сулержицкий, 1989; Зайцева и др., 1997; Price, Lakobs, 1990) не могут быть приняты за основу из-за значительного разрыва между крайними и явной несогласованности с установленными по материалам поселений схемами периодизации и хронологии мезолита в бассейне Онежского озера. Оленеостровский могильник возник в местной среде на определенном этапе эволюции культуры, спустя заметный отрезок времени с начала освоения территории людскими коллективами. Судя по расположению самых ранних памятников, ее освоение началось крупными, самодостаточными по численности для обитания в новых условиях группами практически одновременно по юго-западному – западному и юго-восточному – северо-восточному берегам Онежского водоема. Могильник мог появиться как результат объединения мелких коллективов в единое сообщество и отражает его стабилизацию как социального организма.

На следующей по времени стадии развития культуры (со второй четверти VI тыс. до н.э.), по причине внутренних эволюционных изменений, сходство инвентаря могильника и поселений выражено менее отчетливо. Можно полагать, что к этому времени некрополь утратил прежнюю консолидирующую роль и прекратил функционирование. Это подтверждает начавшийся некоторое время спустя упадок культуры, выразившийся в исчезновении отдельных технико-технологических направлений и стилей в индустрии камня, уменьшении ассортимента изделий (и, следовательно, связанных с ними видов производственно-хозяйственной и другой деятельности), их морфотипологического разнообразия, деградации форм некоторых из них (отчетливее всего это проявилось в наконечниках стрел на кремневых пластинках), постепенном сокращении числа жилищ на одном поселении (от 3–5 до одного), а затем исчезновении их в виде стационарных фундаментальных полуземлянок и пр. Показателем регресса можно считать уменьшение числа поселений а также их размеров, появление различного рода сезонных небольших стоянок. Можно предполагать постепенные изменения в образе жизни (совпадающие с переменами в климате и других сферах природного окружения) от ранее полностью оседлого к частично (на

период ведения промыслов) оседлому, а затем к еще более подвижному при сохранении главенства охоты. Постепенно снижались объемы поступления кремня и, тем самым, регулярность контактов с соседними областями. Фиксируемая онежской культурой популяция развивалась в условиях известной изоляции, которая к концу эпохи стала еще значительнее и, вероятно, явилась одной из причин полной стагнации в ее развитии. Общество не имело ресурсов для перерастания в качественно новое (для усвоения новаций в индустрии камня с целью преодоления тупика в технике и технологии, производства посуды из глины и т.д.) и было полностью разрушено. Этот факт весьма важен для понимания характера преемственности со сменившим его на этой территории новым сообществом. Согласно последним данным (Филатова, 2004а, с. 85–87), немногочисленное мезолитическое население слабо контактирующих между собой локальных групп в короткий срок было ассимилировано мощной волной носителей керамики типа сперрингс. В новой культуре прослеживается незначительное число малосущественных элементов, заимствованных от предшествующей (отдельные морфотипы и технические приемы изготовления изделий только из местных видов сырья), совершенно не определяющих ее облик и традиции. Основные ее черты, по крайней мере в индустрии камня, не имеют эволюционных связей с мезолитической и характеризуют новый, неолитический уровень развития. Можно говорить на основе этого о резкой смене населения в бассейне Онежского озера в начале неолита и отсутствии преемственности в развитии его материальной культуры от предшествующей по времени. В плоскости этноисторических реконструкций это отнюдь не обязательно влекло также чужеродность нового населения генетически, в расовом отношении и по языку. Согласно новым данным, раннеолитическое население центральной части лесной зоны Восточной Европы, и в частности носители верхневолжской керамики, с которой большинство исследователей связывает происхождение раннеолитической посуды типа сперрингс в онежском ареале, относится к европеоидному расовому типу и преемственно в этом плане мезолитическому (Алексеева, 1997, с. 18–41; Алексеева, Круц, 2002, с. 254–278).

Онежскую культуру можно представить как социальное образование с некоторыми признаками этнического порядка, такими как единство территории и материальной культуры, погребальной традиции, обусловленной наличием единой для всего населения системы миропонимания, правил и норм поведения. Не исключается существование общего надзорного или контролирующего определенного рода отношения органа в лице одного или нескольких человек (лидеров), на роль которых могут претендовать погребенные с жезлами в Оленеостровском могильнике. Следуя этнологическим понятиям, данную археологическую культуру можно рассматривать как популяцию, выстроенную на базе определенных (родоплеменных?) отношений, объединявшую несколько локально-территориальных групп из 1–2 малых семей (?), обитавших каждая на своем участке. Эти группы, очевидно, были экономически самостоятельными на базе комплексного ведения хозяйства (охота – рыболовство – собирательство) в условиях богатой разнообразными биоресурсами территории. Неизбежные для выживания и воспроизводства связи между ними могли привести к осознанию своего единства по принадлежности и генезису, появлению определенного самосознания (самоидентификации). Не исключается существование понятного всем языка. Судя по числу одновременно бытовавших жилищ на одном поселении (от 1–5, с численностью до 10 человек в каждом), числа одновременных поселений в группах (от одного до 2–3 в 14–15 группах как минимум) общая численность населения онежской культуры в период расцвета могла достигать 750 или более человек.

Быстрой культурной интеграции мигрировавшего на берега Онежского озера населения, очевидно, способствовала принадлежность к одной или нескольким и генетически родственным локальным культурам в составе крупной этнокультурной общности. Учитывая сравнительно позднее время сложения онежской культуры, можно предполагать, что в ранее освоенных областях такие образования уже сложились, имелись стимулы, способствовавшие движению на новые территории. Вопрос в том, какие из выделяемых исследователями образований могли быть исходными для онежского мезолита, т. е. какова в конечном счете этнокуль-

турная принадлежность населения. Напомним, что решение его пока возможно на уровне аналогов в материальной культуре и выявления на этой основе общего направления связей. Но прежде отметим, что некоторое число таких аналогов или черт сходства наблюдается только в самых ранних онежских комплексах, положивших начало формированию культуры. Позднее, примерно с последней четверти VII тыс. до н.э., они не отмечаются, фиксируются лишь контакты, обеспечивающие поступление (довольно нерегулярное) кремневого сырья.

Вполне явные черты сходства отмечаются с комплексом Веретья I, проявляющиеся в близости некоторых морфотипов макроформ (типы III и VI, по Ошибкиной) и технических приемов их изготовления (пикетаж, двусторонняя оббивка), отдельных формах кремневого и костяного инвентаря, элементах и мотивах узоров орнаментов на изделиях. Они прослеживаются также в материалах стоянок типа Андозера М, могильника Попово, с последним близость устанавливается по некоторым нормам погребального обряда (погребение в ямах по обряду труположения, засыпка охрой, использование в качестве погребальных атрибутов сланцевых изделий типа мотыг и пр.). Есть и различия, например, в технике домостроения, форме и типе жилищ, что, впрочем, могло обуславливаться природными условиями. Отсутствуют известные в Веретье I некоторые типы наконечников стрел, скребков (мелкие округлые), макроформ (острообушные и короткие прямые вставки), резцов, крупные пластинки из кремня и др., некоторые элементы погребального обряда, например, сооружение ритуальных ям с костями животных. Сходство веретинских и онежских комплексов отмечается другими исследователями (Ошибкина, 1983, с. 176–178, 1997, с. 148; Жилин, 1996, с. 50–56).

Аналоги ряду элементов онежской культуры, судя по опубликованным материалам (см.: Иванищев, Иванищева, 2000; Косорукова, 1998; Жилин, 1993, 1996; Кольцов, Жилин, 1999; Жилин и др., 2002) имеются на памятниках типа Тудозеро V на южном побережье Онежского озера за пределами культуры, а также характеризующих поздний этап бутовской культуры или в производных, как считается, от нее комплексах бассейна р. Шексны и ряда верхне-

волжских. В их числе подвески с надпилами на концах, некоторые сверленные формы (крупные и мелкие гальки), наконечники стрел, отдельные типы макроформ и приемы их оформления (оббитые с одной или обеих сторон, с горбатой спинкой, с прямым толстым обухом и др.), техника нанесения и узоры орнамента на гравированных каменных и костяных изделиях. Отмечается близость отдельных типов охотничьего костяного оружия.

Существует также ряд культурных единиц, связи с которыми более отдаленные, точнее, устанавливаются лишь по факту наличия кремневых наконечников стрел на пластинках. Это культуры так называемой постсвидерской общности, образовавшейся после распада верхнепалеолитической свидерской и включавшей первоначально неманскую, кунда, веретинскую и бутовскую; последнюю считают сформировавшейся в результате продвижения свидерского населения в Волго-Окское междуречье, «метисации его с носителями аренбургских и местных палеолитических традиций с формами острий, типичными для культурных групп федермессер, происходящей в ходе миграции и после нее» (Кольцов, 2000, с. 54). С ней связывается происхождение постсвидерских валдайской, сухонской и парчевской культур, а также онежской, правда, в рамках «кремневого мезолита». Намечаемая постсвидерская общность противопоставляется другой, сложившейся на базе аренбургской общности и местного палеолита, включавшей иеневскую культуру Волго-Окского междуречья, в основе которой исследователь полагает аренбургское (или постлингбийское) население и местный палеолит типа Заозерья – Алтыново, а также песочноровскую (деснинскую) группу памятников верхнего Подднепровья.

Предложенные Л. В. Кольцовым две крупные культурные общности (которые, очевидно, следует понимать в ранге этнокультурных), состав включенных в них культур, роль тех или иных компонентов (традиций) в их сложении и пр. принимаются не всеми исследователями. Так, иначе рассматривается механизм сложения иеневской культуры (Сорокин, 2002, с. 122–131), а происхождение веретинской связывается с западноевропейскими мезолитическими образованиями (Ошибкина, 1997, с. 147–151). Что же касается

онежского мезолита, то совершенно определенно можно говорить об отсутствии связей любого рода с культурами второй из предложенных общностей. Думается, этот факт не нуждается в особой аргументации при знакомстве с характерными для этих культур материалами (см.: Кравцов, Спиридонова, 1996; Сорокин, 2002 и др.).

Некоторые исследователи полагают вероятной особо тесную близость культур кунда и бутовской в рамках сложившейся уже на раннем этапе мезолита кундско-бутовской общности (Жилин, 2002). По его мнению, одна часть населения ее двигалась в северо-западном направлении через Карельский перешеек в южную Финляндию, другая – в северное Приладожье, а затем, повернув на восток, дошла до северного побережья Онежского озера. Напомним, что о таком пути заселения территории Карелии говорить, по меньшей мере преждевременно в силу отсутствия материалов мезолита в ее юго-западной части. Кроме того, ряд недавно исследованных в Молого-Шекснинском междуречье памятников (Марьино 4, типа Лотовой Горы и др.) датируется второй половиной РВ-периода, хронологический разрыв между ними и древнейшими онежскими весьма значителен, что не позволяет проводить прямые аналогии, тем более что в некоторых из них отмечается влияние, например, иеневской культуры (Косорукова, 2000, с. 95). К тому же культурная принадлежность Лотовой Горы окончательно не определена, хотя исследовательница не склонна видеть истоки подобных комплексов (наряду с памятниками Пулли и Бутово I) в свидерской общности и ведет их происхождение вслед за М. Г. Жилиным от позднесвидерских и ранних постсвидерских (по цепочке Саласпилс – Лаукскола – Тихоново – Марьино 4), ставя при этом под сомнение кундскую принадлежность стоянки Пулли. Более поздние и преемственные в культурном плане памятники бассейна р. Шексны типа Андозеро М исследовательница полагает основой для онежских типа Муромское VII, фиксирующих дальнейшее продвижение постсвидерского населения на север. Не отрицается ею наличие отдельных черт сходства памятников типа Андозеро М с кундскими, но признается при этом, что это сходство не означает их происхождения от культуры кунда, а

свидетельствует о сходных процессах в эволюции каменной индустрии (Косорукова, 2000, с. 97).

Согласно другим представлениям, онежские мезолитические комплексы входят в обширный ареал постсвидерских культур, истоки которых находятся в юго-восточной Прибалтике (Косменко, 2003, с. 30) и ведут свое происхождение непосредственно от культуры кунда (Косменко, 1992, с. 110). Справедливо признавая влияние кварцевой индустрии (точнее, техники и технологии обработки кварца) на кремневую в данных комплексах, исследователь считает, что это (т.е. апробация индустрии кварца и сланца) произошло на территории культуры кунда, а не в местных условиях, где пришельцы продолжили свои традиции в этой стороне материальной культуры. Подтверждением этому он полагает отсутствие в кремневых комплексах онежских памятников карандашевидных и конических нуклеусов, геометрических микролитов и кремневых макроформ, плохое качество ножевидных пластинок, что, по его мнению, не подтверждает идею о связи онежского мезолита с буттовской культурой или шире – с мезолитом Волго-Окского междуречья. Непонятно, однако, почему приспособление изначальной кремневой техники и технологии к местным условиям не могло произойти в онежском ареале, тем более что апробировалась позднебуттовская индустрия типа Окаево 5, Озерки 5, Ивановское VII, верхний слой и др. Кроме того, в позднемезолитических верхневолжских комплексах весьма заметно число макроформ, а техника их изготовления близка к раннеонежским. В онежских комплексах действительно практически нет кремневых карандашевидных нуклеусов, известные там формы предельно сработанные, близкие к клиновидным и призматическим типам, аналогичные кварцевым, с преобладанием той же системы первичного расщепления. Заметим также, что геометрических микролитов нет в вертинской культуре, происхождение которой не связывается с культурой кунда, наоборот, подчеркиваются отличия последней от восточноприонежских комплексов; те же отличия, кстати сказать, характерны и для онежских комплексов. Некоторое число общих признаков вполне объяснимо сходными путями развития (Косменко, 1992, с. 110) в близких природных условиях, при дефиците

кремня. Но следует иметь в виду немногочисленность материалов культуры кунда, смешанный состав основных коллекций в сравнении с большинством онежских.

Высказано мнение о включении мезолита всей территории Карелии вместе с мезолитом Кольского полуострова, веретинской культурой и, возможно, финляндской суомусьярви в один круг культур (или индустрий) Западного региона северной части лесной зоны, возможно, отражающий этнокультурную близость с культурами Северной Европы, распространявшимися по побережьям Иольдиевого моря – Анцилового озера (Ошибкина, 1997, с. 147–152). В ходе начавшегося в верхнем палеолите продвижения в восточном направлении это население составило основу веретинской культуры, а группы последней во второй половине VII тыс. до н.э. двинулись на берега Онежского озера, при этом смешиваясь с каким-то местным компонентом, результатом чего и является Оленеостровский могильник и подобные памятники (Ошибкина, 1997, с. 152). Территория другого, Восточного, массива, включающего мезолит бассейнов рек Сухоны, Северной Двины, Вычегды и Печоры, заселялась с областей Русской равнины и, вероятно, из Уральского и Западно-Сибирского регионов. Наличие некоторых черт сходства веретинской культуры и культур бассейна Волги исследовательница объясняет территориальной близостью, контактами и возможными периодическими подвижками населения в северном направлении; культурное же единство отрицается.

В связи с этим отметим, что указанные С. В. Ошибкиной общие элементы культур кунда и веретинской (округлые скребочки, топоры с острым обухом, некоторые формы из кости и пр.) не характерны для онежского мезолита, единственное связующее их звено – так называемые постсвидерские наконечники стрел, которые встречены также в Веретье I вместе с другими формами стрел. Уже указывалось на обусловленные принадлежностью к разным исходным традициям различия между северокарельскими и онежскими комплексами, на отличия того же плана последних от финляндских. В намеченный Западный регион, таким образом, по праву связей с кольским мезолитом могут быть включены только памятники северной части Карелии, которые нельзя сближать с

онежскими лишь на основании использования в последних в значительных объемах кварцевого сырья и в силу этого главенства отщепов и осколков в этой части индустрии камня. Наличие заметного числа существенных по своему значению признаков веретинской культуры в онежском мезолите действительно вполне можно считать следствием проникновения групп ее населения, но это было самое первое население, а Оленеостровский могильник возник почти 400 лет спустя в среде адаптировавшегося в новом природном окружении и уже создавшего свою самобытную культуру населения. И это при условии датировки могильника концом VII – началом VI тыс. до н. э., а не более поздним временем, например, второй половиной VI тыс. до н. э., что, как уже отмечалось, совершенно не согласуется с наиболее надежно датированными также по C^{14} онежскими комплексами типа Муромское VII, Оровнаволок IX, Бесов Нос VI, Кладовец IV, Пегрема VIII и др.

Вполне вероятно, что причина разнообразия взглядов на генезис ранних мезолитических культур лесной зоны в недостаточной изученности древностей предшествующего времени центра Русской равнины. Наличие финальнопалеолитического компонента не отрицается в веретинской культуре. В последнее время о нем все чаще говорят в связи с решением вопросов происхождения бутовской культуры и близких ей или производных от нее комплексов более северных областей. Расхождения взглядов на механизм сложения древнейших и исходных для ряда этих образований культур довольно существенны.

По одним данным, основу бутовской культуры составила продолжавшая местные финальнопалеолитические традиции раннемезолитическая рессетинская культура, впитавшая также небольшую часть уже трансформировавшихся элементов свидерской палеолитической культуры в ходе продвижения постсвидерского населения из основной зоны его расселения (Полесье, Польская низменность) в Волго-Окское междуречье (Сорокин, 2002, с. 115–122). Касясь происхождения культуры кунда, исследователь считает наиболее вероятным южный, а не западноприбалтийский генезис комплексов типа Пулли из-за отсутствия веских доказательств их связи с более поздними кундскими, в то время как, например, с

рессетинскими они очевидны и могут свидетельствовать о миграции населения последней по Западной Двине на восточное побережье Балтийского моря. Вызывает сомнение постсвидерская основа культуры кунда, исследователь предполагает разнокультурность мезолитического населения центра Русской равнины, считая, что в сложении культур этого региона принимали участие потомки верхнепалеолитического населения (рессетинская культура), группы пришлого из Западной Европы (комплексы типа федермессер и лингби, аренбургской и свидерской традиций), но характер их взаимоотношений требует более точных оценок и может быть установлен с появлением новых данных и критического осмысления имеющихся в распоряжении исследователей. По мнению А. Н. Сорокина, присутствие отдельных, сильно трансформированных в сравнении со свидерскими типов изделий (например наконечников стрел) в Волго-Окском мезолите можно объяснить как синстадиальное явление; возможно, в этот регион пришли не прямые потомки свидерцев или вообще инокультурное население. Отмечается присутствие наконечников «свидерской» традиции в финальном палеолите юга Русской равнины, что может свидетельствовать о генетической связи с этими комплексами (Сорокин, 2002, с. 167). Исследователь совершенно справедливо указывает на неопределенность термина постсвидерские, на отсутствие корректного сравнения культур этого круга.

Тезис о возможном независимом возникновении некоторых форм, в том числе наконечников стрел свидерско-постсвидерского облика, находит подтверждение у исследователей, изучавших особенности свидерской техники и технологии (Желтова, 1994, 2000). Действительно, вряд ли можно ожидать иных форм изделий в эпоху господства в качестве заготовок ножевидных пластинок и в целом пластинчатой индустрии. Довольно ограниченными были способы вторичной обработки, при этом разными были уровни ее развития, во многом обусловленные использованием различного по качествам сырья, тем более что с появлением новых данных по мезолиту и финальному палеолиту в лесной зоне Восточной Европы разногласия во мнениях исследователей только увеличиваются. Предполагают, например, что исходной для мезолитических

комплексов северных территорий являлась подольская культура финала палеолита – раннего мезолита, в истоке ее усматривают культурные традиции западноевропейской общности бромме – лингби. Распространение последней трактуется как миграция населения со своим технокомплексом, который проходит определенную эволюцию в местных условиях (но не под влиянием местных традиций); общность бромме – лингби признается однопорядковой свидерской и аренбургской культурным образованиям Северной Европы (Синицына, 2000; Синицына, Синицын, 2002).

В этой связи весьма продуктивным представляется заключение о культурной преемственности в технологии обработки камня, изучение которой не только в общем плане, но и по другим деталям «может дать признаки, определяющие культурную специфику индустрии», ранних комплексов иеневской культуры в бассейне р. Оки от восточнограветийских (Зарайская стоянка и др.), связанных в свою очередь с еще более ранней общекостенковской (костенковско-виллендорфской) традицией (Амирханов, 2002, с. 83 и далее). Наряду с этой констатируется параллельное существование другой линии развития в Поочье, не имеющей связей с иеневской индустрией. Участие в сложении мезолитических культур центра Русской равнины палеолитических комплексов по наличию определенных форм изделий предполагают другие исследователи (Кравцов, 1998, с. 203–207).

Несмотря на существующую противоречивость взглядов по вопросам генезиса мезолитических культур лесной зоны и центра Русской равнины, непреложным фактом остается связь именно с этим регионом мезолитических комплексов бассейна Онежского озера. Устанавливается лишь одно южное – юго-восточное ее направление. Тем самым очерчивается область наиболее близких культурных образований, которые можно принять в качестве исходных – это веретинская культура, комплексы типа Тудозеро V, Андозеро М бассейна р. Шексны и верхневолжские позднебутовские. Вполне возможно, что именно население этих мест положило начало освоению побережий Онежского водоема с началом последнеледниковой перестройки природной среды, оформления лесных биоценозов, повлекших его в более северные районы. Освоение

восточнобалтийского побережья также могло происходить в ходе этого движения и не раньше чем бассейна верхней Волги. Онежская культура, таким образом, может являться конечным пунктом продолжавшейся тысячелетия экспансии, северо-западной окраиной общности, включавшей ряд родственных локальных культур. Основу этого потока, его авангард, вполне могло составить пережившее максимум валдайского оледенения палеолитическое население южных областей Русской равнины. Судя по последним данным (см., например: Восточный граветт, 1998; Верхний палеолит – верхний плейстоцен, 2002), оно сохранило основу материальной культуры предшествующей поры, возможно, не нуждающуюся в стимулирующем влиянии западноевропейского палеолита. Это были, очевидно, представители уже складывавшихся, по мнению исследователей, в среднюю пору верхнего палеолита локальных культур (возможно, более крупных и менее структурированных социально в сравнении с мезолитическими). Население западноевропейских областей (к западу от р. Неман), начавшее несколько ранее или в то же время осваивать Скандинавский полуостров, вряд ли имело необходимое количество людских ресурсов и существенные стимулы для освоения также восточных областей. Безусловны взаимодействия групп в периферийных зонах, но их характер и степень взаимовлияний следует оценивать по сумме фактов, появление одного или нескольких новых элементов в материальной культуре не обязательно означает усвоение традиций новой культуры в полном объеме, а тем более смену населения или иные столь же кардинальные новации.

Результатом таких сложных явлений и процессов и явилась мезолитическая культура в бассейне Онежского озера в конце ВО-периода с характерным для всего основного (до конца VI тыс. до н. э.) времени ее существования полностью (круглогодично) оседлым образом жизни населения. Следует отметить, что апробация такого жизненного уклада в лесной зоне произошла ранее в веретинской культуре (Ошибкина, 1997, с. 124–127), вероятно, уже в период функционирования могильников в Песчанице и Попово. В это же время или чуть ранее оседлость, во многом вызванная переходом к стабильной охоте на определенной территории на слабо

кочующих животных, могла быть у населения бассейна верхней Волги, если судить по наличию заметного числа поселений с достаточно фундаментальными жилищами. Примечательно, что отселение двух групп населения из основного ядра в противоположных направлениях в пределах 150 км на легко доступные по рекам и близкие по экологии территории фиксируется в онежской культуре. Причем эта подвижка населения приходится на период расцвета культуры, на этап существования наибольшего числа поселений.

Движение верхнепалеолитического-раннемезолитического населения Русской равнины на север шло, по-видимому, широким фронтом, вплоть до крайних северо-восточных областей в бассейне рек Вычегды, Ижмы, Выми, Печоры. Об этом свидетельствует распространение комплексов парчевской культуры, куда включают также Висский I торфяник (Волокитин, 1997, с. 106). Следует отметить, однако, что сходство материалов последнего с культурой кунда сильно преувеличено, здесь нет характерных для нее острообушных, сделанных в основном на галечных конкрециях и произвольных по очертаниям макроформ, существенны различия в технике и деталях оформления изделий из кости и дерева. На это в свое время указывала С. В. Ошибкина (1983, с. 275), отрицавшая сходство висских комплексов также с веретинскими. В той же мере, несмотря на утверждения некоторых исследователей, они не имеют его с комплексами мезолита бассейна Онежского озера. Макроформы Висского I торфяника отличны от южнокарельских по многим признакам формы (квадратные или овальные уплощенные в сечении), техники (шлифовка по боковым граням, иные способы первичного оформления), мотивам гравировки изделий из камня. Существенны различия в кремневом инвентаре, в том числе наконечниках стрел, менее выразительных по способам обработки поверхностей заготовок, меньших по размерам, хотя в целом тоже характеризующих «постсвидерские» типы. Сказанное относится к другим комплексам данной культуры (см.: Волокитин, 1997, рис. 11–26). Думается, нет необходимости искать аналоги этим формам, в первую очередь крупным из сланца и других горных пород, в отдаленных западных областях. Они вполне самобытны,

безусловно произведены на месте в своих традициях. Кроме того, присутствие подшлифованных макроформ из сланца отнюдь не особенность мезолита Карелии, Фенноскандии или культуры кунда. Довольно раннее появление таких видов изделий, в том числе из кремня и других горных пород, характерно для более южных культур мезолита и везде, очевидно, было обусловлено хозяйственно-экономическими факторами и условиями обитания в лесном окружении. Вряд ли только факт их наличия можно трактовать как признак родства и единства происхождения.

В отличие от парчевской культуры с ее южными – юго-западными направлениями связей, комплексы, объединенные в средневычегодскую культуру, сближают с мезолитом Камско-Вятского междуречья, камской и романовско-ильмурзинской культурами, генетически связывают с заключительным этапом верхнего палеолита Урала и Западной Сибири (Волокитин, 1997, с. 144–145). Но эта культура, по мнению исследователя, существовала недолго (в пределах VIII тыс. до н. э.), отчасти синхронно ранней стадии парчевской, и не имела продолжения. Выделяется также группа памятников смешанной (западной и приуральской) традиции, более поздних по времени, место которых в мезолите Северо-Востока Европы пока окончательно не определено.

Черты восточноевропейского (верхневолжского и волго-окского) мезолита, маркирующие восточную границу его связей, прослеживаются в усть-камской культуре, связанной происхождением с местным финальным палеолитом (Косменко, 1977, с. 94–100), что не отрицается и другими исследователями (Кольцов, 2000). Предполагают также, что усть-камская и иеневская культуры вместе с песочноровской и зимовниковской составляют на территории Восточной Европы единую историко-культурную область, которая со скандинавскими культурами фосна и комса входит в постаренбургскую общность (Сорокин, 2002, с. 129). По другим данным, культурная атрибуция позднепалеолитических комплексов устья р. Камы в полной мере пока невозможна, указывается лишь на некоторые общие элементы с финальнопалеолитическими стоянками верхней Волги, на близость ранних усть-камских, финальнопалеолитических и раннемезолитических комплексов

Пермского Прикамья и на более отдаленную с южноуральскими, при этом не отрицается связь с иеневской культурой (Галимова, 2001, с. 148–150). Анализ материалов, считает исследовательница, не подтверждает гипотезу А. Х. Халикова (1991) о сибирских истоках раннемезолитических комплексов средней Волги и Прикамья, рассматривающую их как результат движения сибирского населения урало-алтайской языковой и этнической общности в бассейны рек Волги и Камы. Давно высказанное мнение о европейской принадлежности финальнопалеолитических памятников среднего Поволжья и Прикамья (Косменко, 1977, с. 100) нашло поддержку у других исследователей, полагавших, что в палеолитических материалах Урала и среднего Поволжья нет сибирских черт, все параллели европейские (Формозов, 1977а). Фиксируются также связи с Прикубанью и Приазовьем. Именно с европейским палеолитом связывают некоторые сибирские комплексы, свидетельствующие о распространении европейских верхнепалеолитических культур в восточном направлении (Аникович, 1998, с. 35–66).

Согласно другим данным, первое проникновение человека в северо-восточные районы (в бассейн Камы) могло произойти еще в среднем палеолите, более определенно – в раннюю пору верхнего палеолита с центральных – юго-западных областей Русской равнины (группы костенковско-стрелецкой общности), но в максимум валдайского оледенения территория была покинута. На базе появившихся 16–17 тыс. л.н. новых групп населения, генетически связанных с североазиатским палеолитом, формируется среднеуральская культура – общеуральская общность в ареале от приполярного до южного Урала, возможные отдаленные предки финно-угорских народов (Павлов, 1997, с. 44–90). С ней связывают финальнопалеолитические и раннемезолитические комплексы среднего Поволжья и Прикамья, характеризующие движение населения северо-восточного региона в эпоху позднего валдая на юг (Мельничук, Павлов, 1987). Существует еще более радикальное мнение о связи не только приуральско-камского и поволжского мезолита, но и западных культур бассейна Оки и верхней Волги с сибирским палеолитом по цепочке культурно преемственных комплексов (Сидоров, 1996). Исследователь полагает это население

древнейшим в лесной восточноевропейской зоне, заселившим берега приледниковых озер с начала дегляциации последнего ледника, и не исключает принадлежности мигрантов предкам финских народов. Большинство исследователей эти гипотезы не поддерживаются в силу ее неадекватности старым и новым материалам по верхнему палеолиту и мезолиту. Наоборот, новые данные позволяют все увереннее говорить о распространении восточноевропейского палеолита в Южную Сибирь и о главенстве местного верхнепалеолитического субстрата в сложении мезолитических культур лесной зоны Восточной Европы, в том числе в ее крайних северо-восточных районах. Именно неподтвержденность гипотез о его восточных корнях археологическими данными послужила основной причиной поисков рядом зарубежных исследователей истоков предков народов финно-угорской языковой семьи в южных и центральных восточноевропейских областях.

Антропологические аспекты происхождения мезолитического населения Карелии

Как уже отмечалось, одним из важнейших источников решения проблем этнокультурной принадлежности и генезиса населения эпохи первобытности могут служить антропологические материалы, но при условии представительности выборок, достоверности их хронологической привязки и корректности методики анализа. Основное внимание исследователей обычно направлено на изучение краниологических серий в полном объеме или частично. При этом выбираются различные методы и подходы. Одни исследователи считают наиболее результативной оценку групповой изменчивости (что не всегда возможно в полном объеме из-за недостаточной представительности серии), другие опираются на визуальные данные отдельных индивидов, т. е. на описание морфологических вариаций (Алексеева, 1997). При этом, по-видимому, не все методики отвечают пониманию расы как динамической категории, изменения в которой связаны с процессами смешения и изоляции, а также с направленным изменением признаков в результате морфологической перестройки организмов и воздействий среды ... «Такое понимание расы требует тщательного обоснования при генетическом истолковании

морфологического сходства (возможность конвергентного развития) и в то же время, наоборот, известного скептицизма при попытках отрицать родство, основываясь на признаках, подверженных быстрым изменениям во времени». Кроме того, необходимо соблюдение принципов соподчинения расовых категорий, что позволяет выделять расовые комплексы разных уровней значимости (учитывая древность признаков, положенных в основу выделяемого типа, оценки степени их исторической корреляции с другими) и лишь затем «от констатации морфологического сходства переходить к установлению генетического родства» (Алексеев, 1969, с. 24). Касаясь значения антропологических данных в этногенетических исследованиях, исследователь полагает, что этапы этногенетического процесса «в той мере, в какой он отразился в расовых типах народов», можно осветить только на основе этих данных, выявляя процесс преобладания типов во времени и общей динамике расообразования (эпохальная изменчивость признаков, характер межгрупповой изменчивости и пр.) по пути ретроспекций; необходимо также сопоставлять палеокраниологические данные и соматологические наблюдения, имея в виду при этом, что выработанные стандартные величины разниц измерений на живом субъекте и палеокраниологическом материале весьма субъективны, не могут считаться достаточно точными и не удовлетворяют требованиям статистической достоверности (Алексеев, 1969, с. 34–37). Последние замечания весьма существенны и ставят под сомнение, например, широко известные реконструкции черепов из Оленеостровского могильника с их весьма выразительной расовой неоднородностью.

Различия в подходах и методах оценки антропологических материалов в известной степени сказываются на выводах о расовой принадлежности и этапах расогенеза, в том числе этносов финно-угорской языковой семьи при выявлении исходных для них антропологических типов, вариантов и признаков. Выводы большинства исследователей не подтверждают опирающуюся в основном на лингвистику концепцию о существовании в древности единого для этих этносов физического типа и единой прародины. Считаются доказанными полиморфизм антропологических признаков, широкий спектр типологически разнородных характеристик, что

свидетельствует о сложных путях расогенеза и многообразии контактов, о формировании их предков на широкой территории, охватывающей периферию монголоидного и европеоидного ареалов, в расово разнородной среде, очевидно, в обширном регионе Приуралья – Зауралья и Южной Сибири при этнических связях с населением соседних регионов (Алексеев, 1969, с. 115, 158, 1974а, б). Исследователь считает, что отдельные группы финно-угорских народов имеют неодинаковое происхождение, и делает вывод о сравнительно позднем (наряду с другими современными народами) времени их сложения (в пределах первой половины II тыс. н. э.), хотя преемственность в материальной культуре может проследиваться глубже.

Другие исследователи, поддерживая идею сложения финно-угорских этносов в результате грандиозного смешения европеоидов и монголоидов (см.: Жиров, 1940) и суждения о едином антропологическом типе предков финно-угорских этносов в пределах уральской расы (урало-лапоноидной группы типов, включающей обский, лапоноидный, сублапоноидный и субуральский типы), на основе анализа соматологических признаков у разных групп финноязычных народов, делают вывод о распространении древнейших уральских (протولاпоноидных) форм на Восточно-Европейскую равнину в позднем мезолите в результате движения на запад уральского населения из региона между нижним течением р. Оби и верховьями р. Печоры; в эпоху неолита этот тип уже был распространен везде, где известны памятники, исторически связанные с финно-уграми (Марк, 1970, 1974). Согласно другому мнению (Бунак, 1956, 1958), на начальной стадии расогенеза существовало несколько очагов расообразования, один из них с комплексом нейтральных протоморфных, не связанных с большими расами признаков, находился в Северной Евразии в качестве уральского антропологического типа (уральская раса) – предков народов финно-угорской языковой семьи; данный тип, по мнению исследователя, образовался не в результате смешения двух рас, а на базе сохранившихся древних недифференцированных форм, содержащих некоторые европеоидные и монголоидные черты, выделяемые в палеокраниологических сериях; образование его происходило на

основе верхнепалеолитических популяций в холодном и влажном климате. Эта концепция, однако, сразу же была оспорена как противоречащая установленным в ходе многих исследований закономерностям изменчивости признаков и характера связи между ними, в силу чего недифференцированные типы должны отличаться противоречивым сочетанием признаков (Алексеев, 1969, с. 115).

Гипотезы о принадлежности населения Севера Восточной Европы к особой уральской расе с определенным числом монголоидных черт в результате метисации в палеолите – неолите или как сочетания древнего недифференцированного типа не была принята В. П. Якимовым, который подчеркивал наличие таких типов (уральских, лапоноидных) с псевдомонголоидными признаками (вариантов с уплощенным лицом и слабо выступающим носом) в палеолите – мезолите Европы, в том числе Западной, принадлежность населения которой к европеоидам никем не оспаривается (Якимов, 1956, 1960а, б). Среди этих типов (групп населения), по его мнению, были группы со сходными с современными монголоидами морфологическими чертами, что давало возможность различного сочетания при смешении в ходе этнической консолидации мелких групп и приводило к формированию новых антропологических типов. Не исключается также, полагает он, образование независимых сочетаний некоторых признаков в определенных природных условиях. Исследователь не считает метисацию основным или единственным фактором сложения и преобразования морфологических черт, монголоидные признаки относит к морфологически характерным для палеоевропейских вариантов, полагая их отражающими специфику древних форм некоторых европеоидов, не имеющих генетической общности с азиатским кругом форм. По Якимову, псевдомонголоидность – характерная черта ранней стадии расообразования в пределах европейского ареала. Примером такого своеобразного и противоречивого сочетания древних признаков является, по его мнению, серия из Оленеостровского могильника на Онежском озере с их ярко выраженной неоднородностью антропологических черт. Другие исследователи допускают идею монголоидной примеси у мезо-неолитического населения Восточной Европы, но она не находит пока подтверждения

в антропологических материалах, не может быть аргументирована с морфологической точки зрения; наряду с этим признается длительное сохранение в специфических условиях в изолированных районах архаичных признаков ранних стадий расообразования (Алексеев, 1984).

Дискуссионность проблемы генезиса, расовой принадлежности и специфики населения эпохи мезолита лесной зоны Восточной Европы во многом обусловлена также небольшим числом антропологических материалов. В настоящее время их представляют мезолитическая группа могильника Звейниеки в восточной Прибалтике (около 50 погребений), могильники Попово и Песчаница в восточном Прионежье (соответственно 10 и 2 погребения), Оленеостровский могильник на Онежском озере (177 погребений) и находящийся в процессе исследования могильник Минино на Кубенском озере (Гурина, 1956; Ошибкина, 1983, 1998; Zagorskis, 1987; Суворов, 1998, 2000). Следует учесть также, что не все известные краниологические материалы пригодны для всестороннего исследования. Кроме того, не всегда исследуется вся серия полностью. Так, из могильника Попово обработано 4 черепа, в Песчанице – 1, в Оленеостровском только В. П. Якимовым проанализированы все 46 пригодных к полномасштабному изучению черепов и скелетные остатки, в других случаях ограничивались небольшими выборками.

Оценки антропологических материалов также далеко не однозначны. Часть мезолитических погребений из Звейниеки (поздний этап культуры кунда) относят к типу северных европеоидов, аналоги которому видят в могильнике Попово, среди некоторых погребенных в Оленеостровском некрополе, в отдельных погребениях могильника Сахтыш, а другую – к своеобразному метисному мезокранному типу, напоминающему протолапоноидный; аналоги ему находят в Оленеостровском могильнике, в Караваяхе, Модлоне, а также в Восточной Сибири; существование его свидетельствует о наличии монголоидных популяций в лесной зоне Восточной Европы уже на рубеже VII – VI тыс. до н. э. (Денисова, 1997).

Погребенных в могильниках Песчаница и Попово (веретинская культура) характеризуют как европеоидов северного типа с

некоторыми архаичными особенностями в строении черепа; по строению нижней челюсти из Песчаницы предполагают связь с монголоидными формами, указывают на сходство с некоторыми черепами из могильников Звейниекы и Оленеостровского (Гохман, 1984; Беневоленская, 1984; Мамонова, 1995). Согласно калиброванным датам по С14, комплекс Песчаницы относят к середине X тыс. до н. э., часть погребенных в Попово – к IX, а другую – к VI тыс. до н. э. (Ошибкина, 1998). По мнению исследовательницы, здесь представлено древнейшее население, проникшее с юга или юго-запада вслед за отступающим ледником, при этом в северных – северо-восточных областях не исключается существование иного населения, послужившего компонентом в формировании монголоидного или лапоноидного населения, представленного небольшой и поздней группой в Оленеостровском могильнике (Ошибкина, 1998, с. 167). По некоторым нормам погребального обряда и инвентарю восточноприонежским погребальным комплексам близки комплексы могильника Минино (Суворов, 2000).

Антропологические материалы Оленеостровского могильника до сих пор оцениваются с диаметрально противоположных точек зрения. При первом предварительном исследовании нескольких черепов было сделано заключение о наличии типа с концентрированными монголоидными признаками и широколицых европеоидов-кроманьонцев. На основании этого было высказано предположение о существовании в северных районах Европы монголоидных и европеоидных популяций, которые как бы просачивались друг через друга и обусловили широкое межрасовое смешение (Жиров, 1940, с. 53). Этот вывод был поддержан некоторыми другими антропологами, изучившими отдельные, в основном спорные, экземпляры; монголоидные признаки стали находить у древнего населения Западной Европы.

В. П. Якимов, наоборот, полагал, что все немногочисленные экземпляры с так называемыми монголоидными признаками «не обнаруживают какой-либо определенной закономерности в отклонении от оленеостровской средней; варьируя в пределах допустимой индивидуальной изменчивости», антропологический тип оленеостровцев находился на стадии формирования, «отражает динамику

сложения... на основе более древних краниологических вариантов, морфологически неоднородных, но, судя по признакам и характеру связей между ними, видимо, не выходящих за пределы европеоидного расового ствола ... Сложение этого типа генетически связано с позднепалеолитическими вариантами, распространенными в пределах Восточной Европы и расселявшимися по этой территории к северу и северо-востоку по мере отступления ледника» (Якимов, 1960а, с. 304–311). Примечательны сделанные на основании отмеченных архаичных признаков заключения об оленеостровцах как довольно ранних обитателях северных – северо-восточных европейских областей и о наличии в их составе кроме элементов южных протосредиземноморских типов также форм, характерных для степных областей Восточно-Европейской равнины.

Заслуживают внимания выводы В. П. Якимова о других особенностях физического облика оленеостровцев, средние показатели которых (рост мужчин 172,6, женщин 166,2 см, в пределах соответственно 164,7–181,9 и 160,8–173,3 см) также более всего сближают их с населением позднего палеолита Европы. Сходство с высокими длинноногими и длиннорукими грациальными, с умеренно развитым костным рельефом верхнепалеолитическими европейскими формами, а также древними обитателями региона Средиземноморья и юга России отмечают другие исследователи, предполагая условия обитания вполне благоприятными, без сильного холодового стресса и при достаточной подвижности (Козловская, 1998, с. 33–34). Об этом же, по ее мнению, свидетельствуют отличия в строении скелета погребенных в могильнике от живущего в условиях Арктики и Субарктики населения, сравнительно высокая (42,4 для мужчин и 36,9 лет для женщин) продолжительность жизни, значительное число среди них лиц возмужалого и старческого возраста. Все эти данные косвенным образом указывают на связь оленеостровцев с южными, довольно ранними европейскими популяциями.

Некоторое время назад, в силу появившихся сомнений в достоверности установленных ранее метрических показателей краниологических материалов могильника, была проведена их экспертиза, в ходе которой были подтверждены основные положения

В. П. Якимова об единстве антропологического типа оленеостровцев, его генетической связи с палеоевропеоидными формами и отсутствии в серии форм азиатского круга (Алексеев, Гохман, 1984). Было высказано мнение о существовании в мезолите – неолите Западной Евразии двух общностей: 1 – включающей популяции Западной Европы и Северной Африки и 2 – популяции северной части Балкан и Восточной Европы, обе с одним уровнем «монголоидности» (Алексеев, 1984, с. 31–35).

Гипотеза о несмешанном, древнеевропейском типе мезолитического населения Восточной Европы нашла подтверждение в работах последних лет (Алексеева, 1997, с. 18–41; Алексеева, Круц, 2002, с. 254–278). В результате анализа по новой методике существующих материалов был сделан вывод о принадлежности всех известных мезолитических серий региона к одному кластеру европеоидов (первая комбинация) самостоятельного типа с архаичными особенностями в морфологии и довольно противоречивым сочетанием признаков; к ним наряду с сериями из могильников Звейниекы, Попово, Васильевка I и III относится и оленеостровская; та же комбинация черт в качестве преобладающей присутствует в Скандинавии и наряду с другим на Балканском полуострове и в юго-западных областях Европы (Чехия, Югославия, Греция) и Северной Африке. В силу наибольшей концентрации признаков данного типа в Скандинавии, появление его в Восточной Европе в мезолитическое время связывается с продвижением населения из северо-западных областей. Отметим, что на данный вывод исследователей, очевидно, повлияло не только преобладание данных форм в этом регионе (в первую очередь по причине их значительного количества), но и суждения ряда археологов о путях заселения северных восточноевропейских областей. Выделяется еще одна комбинация черт у мезолитического населения, не образующая кластера, но с общими свойствами, но поскольку такие признаки исследователи отмечают в отдельных комплексах Прибалтики (могильник Кирсна) и у населения ленточной керамики Чехии, эти формы, очевидно, сложились в более позднее время, тем более что, по мнению Т. И. Алексеевой, раннеолитическое население Восточной Европы в антропологическом плане преемственно мезолитическому с первой комбинацией признаков;

«монгололизация» (на основании материалов Приладожских стоянок и могильника Каравайха) связывается с проникновением населения неолита из Зауралья в среду носителей ямочно-гребенчатой керамики. Выше уже отмечалось несоответствие этой гипотезы данным языкознания (Напольских, 1990). Сомнения вызывает связь с ранними формами этой керамики черепов из Прибалтийского региона (Тамула, Нарва – Рийгикюля), а также из Каравайхи и Модлоны (см.: Манюхин, 2002, с. 15–18). Далекое не неолитический возраст (по крайней мере не ранней-средней поры этой эпохи) имеет посуда Приладожских (Ладожских) стоянок (см.: Иностранцев, 1882).

В этой связи заслуживают внимания исследования по геногеографии населения Восточной Европы, позволяющие выявить группы древнего населения, гены которых оказались переданными в генофонд современных поколений (Рычков и др., 2002). Картирование показало особое и главное значение в этом плане Балканского полуострова и Малой Азии и распространение основных импульсов из этого региона (возможно, со времени палеолита) в двух направлениях – в северо-восточном на Восточно-Европейскую равнину и в северо-западном в Западную Европу. Эти же направления проникновения европейских генов вместе с историкокультурными воздействиями характерны для последующих эпох; граница их распространения фиксируется по линии от Каспия через Поволжье до Белого моря, что в целом соответствует устоявшимся представлениям о соотношении европеоидности и монголоидности населения, но в то же время указывает на более сложное устройство генофонда региона. По мнению исследователей, «за все время существования населения Восточной Европы главное формирующее значение, упорядочившее пространственную структуру генофонда, имели воздействия в направлении запад – восток. Они носили характер проникновения с запада – юго-запада и распространения по Восточной Европе генных комплексов европейского и балканского происхождения и их носителей – древних народов и племен различных исторических и археологических эпох» (Рычков и др., 2002, с. 129). Предполагается, что дальнейшие исследования в области исторической геногеографии и сопоставление

результатов с археологическими данным (культурами) позволит значительно конкретизировать выводы.

Приверженцы идеи о наличии в оленеостровской серии монголоидных и метисных форм приводят ряд своих доказательств, выделяя разные в расовом отношении и по происхождению группы. Так, на основе внутригруппового анализа по ряду расоводиагностирующих показателей выделяется три антропологических варианта: 1 – южноевропеоидный, 2 – североевропеоидный, 3 – монголоидный, а также уральский вариант в составе североевропеоидного с самостоятельным очагом расообразования в северном Приуралье; основным считается антропологический тип, «в генетике которого лежат североевропейский и уральский компоненты... Второй – южноевропейский тип. Происхождение третьего, возможно, связано с сибирскими монголоидами» (Гохман, 1994, с. 55). В одной из работ древнейшее население лесной зоны Восточной Европы признается резко контрастным долихокранному населению остальной части Европы – Украины, Прибалтики, Швеции, Дании, Крыма; оно мезо- и брахикранно, является результатом смешения территориально удаленных популяций разного происхождения (Денисова, 1997). К этому населению исследовательница относит погребенных в Оленеостровском могильнике, период существования которого (согласно датам по С¹⁴) определяет в 700 лет, что, считает она, позволяет отказаться от суммарного анализа серии (в отличие от В. П. Якимова) и опираться на внутригрупповой анализ по отдельным признакам. Сравнивается 18 черепов из Оленеостровского могильника, 2 – из Попово и 3 – из Сахтышского неолитического комплекса, в итоге намечается три группы: I – мезобрахикранные с очень широким и плоским лицом, II – мезобрахикранные со среднешироким плоским лицом и III – долихокранные европеоидные; первые две определяются как метисные, но в группе II (напоминающей протолапоноидные варианты) монголоидный компонент был другим, чем в группе I. Оба метисных типа, по Денисовой, характерны, помимо Оленьего острова, также для носителей ямочно-гребенчатой керамики и населения днепро-донецкой культуры, для европейской территории они признаются чужеродными, а аналоги усматриваются в Восточной Сибири (китайский

период, могильник Фофаново), где и происходило формирование монголоидной расы не позднее верхнего палеолита; типичным представителем ее считает индивидуума из погребения 158 в Оленеостровском могильнике с характерной для монголоидов брахи-кранией; проникновение в Восточную Европу подобных форм в результате движения на запад произошло уже на рубеже VII–VI тыс. до н.э.; монголоидные популяции обитали здесь вместе с европеоидами группы III.

Согласно другим данным, оленеостровская серия действительно гетероморфна; признается широкое распространение у европейских неантропов ряда монголоидных признаков, но не в комплексе и не в том сочетании, которые характерны для оленеостровских черепов (Беневоленская, 1984, 1990б). Исследовательница полагает это сибирским влиянием. На основе внутригруппового анализа (не раскрытого в полной мере и не детализированного, по ее мнению, В. П. Якимовым), с применением новых важных признаков на материале 18 черепов выделяется две количественно неравноценные группы: 1 – большая европеоидная, аналогичная серии из могильника Попово и 2 – из нескольких особей с чертами протоазиатского круга форм, иной, чужеродной генетической общности; ее представители отражают процесс метисации (в том числе на месте) с широко распространенными в мезолите – неолите Восточной Европы европеоидами нескольких вариантов. В европеоидной группе выделяются формы протоевропейского типа и комбинация черт, близкая к средиземноморским (тип известен в Васильевке I и III); предполагается при этом, что оленеостровская серия не представляет антропологического типа, а является неконсолидированной смесью разнородных вариантов, скопление которых в некрополе пока не имеет объяснения.

При более детальном анализе нескольких черепов из могильника Ю. Д. Беневоленской в группе европеоидов выделяются архаичные и более гармоничные (модернизированные) формы, следы гармонизации отмечаются на некоторых черепах с восточными признаками. Рассматривается также территориальная локализация выделенных групп: черепа с архаичной морфологией и промежуточные размещаются в средней и южной, заполненной раньше (в соответствии с мнением Н. Н. Гуриной), а модернизированные

европеоидные и метисные (с восточными признаками) в позднее заполненной северной частях площадки. Принимая во внимание вывод Н. Н. Гуриной о хронологической однородности материалов некрополя и одновременном существовании всех частей, она полагает, что такая различная приуроченность разных по генетической принадлежности и расовому составу погребенных связана с социальным фактором, т. е. одновременным существованием поблизости двух групп (родовых организаций). В подтверждение приводятся заключения некоторых исследователей (O'Shea, Zvelebil, 1984) о вероятной принадлежности могильника двум кланам или линиджам, или малым автономным группам, которые основываются на различиях в территориальном размещении (по зонам) скульптурных форм (все фигурки лося в средней и северной частях, фигурка змеи – в южной) и подвесок из резцов лося и т. д. Об этом же, считает Ю. Д. Беневоленская, свидетельствуют стилиевые различия скульптур (массивная в южной зоне, грациальная в северной) и различия в составе наконечников стрел (в северной большинство из них кремневые, в южной – из кости).

Очевидно, что существующие расхождения в оценке антропологами материалов Оленеостровского могильника могут быть преодолены в ходе масштабных и консолидированных исследований. При этом высказываемые суждения в известной степени должны коррелироваться с археологическими данными или, по меньшей мере, не вступать в противоречие с ними. Сейчас можно отметить ряд не согласовывающихся с некоторыми концепциями археологических фактов, что в определенной мере позволяет оценить степень достоверности той или иной из них.

Так, совершенно очевидна недоказанность заполнения площадки некрополя как одновременно в разных его частях (различными по генезису группами, кланами и т. д.), так и поэтапно, т. е. с возвышенной южной–средней части вниз по северному склону или наоборот. Все связанные с этим суждения, в том числе распределение по количеству погребенных с теми или иными морфологическими особенностями, с тем или иным составом и количеством инвентаря, по меньшей мере, некорректны хотя бы потому, что вскрыта треть вероятного числа захоронений.

Кроме того, длительность функционирования могильника точно не определена. Если исходить из датировок по C^{14} , то можно предполагать и гораздо больший, чем в 700 лет, период, в пределах от 9910 ± 80 до 6790 ± 80 л.н. (по некалиброванным данным, см.: Мамонова, Сулержицкий, 1989), поскольку нет оснований не доверять ранней дате, коль скоро принимаются прочие, в том числе позднейшая. Этот период будет другим, если принять, например, калиброванные или прочие существующие определения по C^{14} . Некоторые исследователи полагают период функционирования памятника значительно меньшим, от 50 до 200 лет, причем только в теплое время года (O'Shea, Zvelebil, 1984). Но во всех случаях выбор этих дат достаточно произвольный, поскольку они принимаются без учета существующих археологических материалов как из могильника, так и из его окрестностей, т. е. мест обитания погребенных. Согласно типологическим характеристикам инвентаря некрополя и связанных с ним поселений (а он, как уже отмечалось, во всех своих формах и типах тождествен до деталей формы, техники, орнамента и т. д., включая такие культурно-различительные типы, как наконечники стрел) могильник существовал какой-то отрезок времени в период от 8300 до 7900 л.н. Продолжительность его функционирования не превышала 300 лет. Об этом свидетельствуют идентичность основных норм погребального обряда, единый состав и качество сопровождающего захоронения инвентаря, отсутствие каких-либо явных различий по полу и возрасту, расположению вещей на костяках и территориально. Просматриваются лишь нелокализованные по зонам различия частного порядка (например в составе погребального инвентаря), отражающие, вероятнее всего, социальные аспекты общества, разные группы и институты в его устройстве (Филатова, 2002). Датировку могильника в указанных пределах подтверждают геоморфологические условия размещения – на вершинной части возвышения и северном склоне на высоте от 15 до 8,8 м над современным уровнем Онежского озера. Нижняя граница соответствует уровню озера в максимум регрессии на рубеже ВО–АТ-периодов – 7800–7700 л.н. (Девятова, 1986; Демидов и др., 2001, с. 221–240). Расположенная ниже (по западному склону) Оленеостровская стоянка (высота над уровнем

озера от 8 до 5–6 м) датируется типологическим путем рубежом VI–V тыс. до н.э.

Если допустить расовую неоднородность погребенных (т. е. принадлежность к двум или более генетически разным группам), то, поскольку антропологический тип не распространяется без соответствующих ему элементов в материальной культуре (Дебец и др., 1952), следует ожидать признаков разнокультурности или метисации в сопровождающем погребенных инвентаре. Эти признаки должны проявляться также в синхронных (и тем более ранних) могильнику поселенческих комплексах, что, однако, не наблюдается. Все известные в бассейне Онежского озера мезолитические комплексы отличает не только тесное культурное единство. Единными оказываются пути их эволюции для всех частей ареала.

Безусловно, не может считаться показателем чужеродности преобладание в одной части могильника кремневых, а в другой – костяных наконечников стрел, поскольку эти изделия занимают каждый свою нишу в охотничьем вооружении. Точно так же нельзя считать этнокультурными показателями разное число подвесок из резцов лося в различных частях могильника (тем более что по числу захоронений зоны далеко не равнозначны, см.: Гурина, 1956, рис. 9) и разную приуроченность мелких скульптурных форм хотя бы потому, что назначение последних (личные обереги, украшения и т. д.) с достоверностью не установлено. Примечательно также полное совпадение основных норм погребальной традиции (трупоположения в яме, засыпка охрой, восточная ориентация и пр.), характера сопровождающего инвентаря (в том числе «жезлов»), расположения вещей в определенном порядке у разных по своей расовой принадлежности индивидуумов, например, у мужчины-европеоида (группа III по Денисовой) из двойного захоронения № 152–153 с женщиной и мужчины с «монголоидным» комплексом признаков (группа I по Денисовой, восточная подгруппа по Беневоленской) из тройного захоронения № 55–56–57. То же самое прослеживается у принадлежащих к разным группам других погребенных, в том числе у самых «монголоидных» (по Жирову, Дебцу, Герасимову) в погребениях № 1, 44, 75, 158 (см.: Гурина, 1956, прил. I и II). Отметим также заметное число разных по сочетанию

пола и возраста групповых захоронений в могильнике, рассредоточенных по всем частям площадки. Отличия в количестве и качестве инвентаря тоже не могут быть приняты во внимание, поскольку набор его индивидуален для каждого погребенного.

Предположениям о наличии в могильнике двух (или больше) расовых типов или групп, что подразумевает генетическую неоднородность мезолитического населения в бассейне Онежского озера и одновременное заселение территории группами европеоидов и монголоидов с последующими процессами смешения, противоречат не только установленное культурное единство (однородность) археологических материалов, но отсутствие любого рода связей с мезолитическими сообществами восточнее бассейна р. Онеги. С точки зрения согласованности антропологических и археологических данных наиболее приемлема характеристика оленеостровцев, их генезиса и расовой принадлежности, предложенная В. П. Якимовым. В целом хорошо коррелируется с археологическими реалиями гипотеза Т. И. Алексеевой, но с поправкой на то, что продвижение населения в северные области восточноевропейской лесной зоны с северо-западных областей Европы и связи его с кругом мезолитических культур широкого Балтийского региона (Алексеева, Круц, 2002, с. 255) спорны в свете новых взглядов на происхождение верхнепалеолитических и мезолитических культур центра Русской равнины.

В контексте данной работы главное, однако, не в том, с юга, юго-запада или северо-запада шло заселение, а в отсутствии точно установленных восточных импульсов, т.е. населения, связанного происхождением с общностями азиатского (приуральского, зауральско-сибирского) круга, а также следов (признаков в материальной культуре) существования разных по расовой принадлежности групп и процессов смешения (т.е. гибридных комплексов) европеоидов и монголоидов на всей территории лесной зоны Восточной Европы в мезолитическую эпоху. Признание факта присутствия монголоидных популяций здесь в это время означает наличие соответствующих антропологических типов в самом раннем из известных могильников – Песчанице (более достоверных, чем по фрагменту нижней челюсти) и Попово. Должны быть в этом

случае восточные или, по меньшей мере, резко выделяющиеся среди других элементы в материалах веретинской культуры, а также в «постсвидерских» культурах данного региона. А это кардинально меняет установленные по археологическим данным направления их связей и пути заселения территорий. Появление типов с азиатскими признаками в физическом облике или собственно монголоидов в циркумполярной зоне (Северной Евразии), очевидно, произошло значительно позднее.

Первые явные следы проникновения восточных по отношению к Карелии, точнее, среднеповолжских, элементов, маркирующих движение населения на запад, исследователи связывают с распространением сетчатой (текстильной) керамики в бронзовом веке и с самым древним из выявленных на Европейском Севере дофинноугорским языковым пластом (см. ст. М. Г. Косменко в наст. изд.). Появление в северных областях лесной зоны населения с монголоидным набором черт, послужившего (наряду с автохтонными европеоидами) компонентом при сложении занимавшего ранее значительную территорию саамского антропологического типа, по согласованности археологических, лингвистических и топонимических данных относят к раннему железному веку (Манюхин, 2002). В Карелии, таким образом, это наиболее ранний и первый по времени из этносов финно-угорской языковой семьи. Формирование известных на территории других исторических народов происходило еще позднее в ходе сложных переплетений разнообразных по значимости и направленности связей и явлений в материальной культуре, физическом облике и языке. Понятно, что реконструкция этих процессов на научной основе требует длительных и специальных исследований.

* * *

В итоге можно констатировать, что изучение этноисторических процессов в рамках комплексных исследований для эпохи первобытности сильно ограничено невозможностью на современном уровне знаний использования всех необходимых источников. Для этого времени наука пока располагает по сути лишь археологическими и антропологическими данными. Нельзя не учитывать также их специфичность и информационную ограниченность в

этноисторическом плане и недостаточную изученность многих аспектов жизни древних популяций, косвенную доказательность ряда представлений, например, о социальной организации, системе ценностей и миропониманий. Весьма редки и часто малопродуктивны попытки корреляции данных обеих наук.

Представляется, что изучение этноисторических процессов в древнейшие эпохи должно происходить в рамках фундаментальных для археологии понятий «археологическая культура» и «этнокультурная общность». Однако если маркирующие эти разнопорядковые сообщества этапы культурогенеза археологически выделяются более или менее успешно, то связи и взаимоотношения друг с другом, смена во времени и пространстве устанавливаются не всегда доказательно. Еще сложнее выявить в них этносодержащие элементы, меру или степень этнического. Наиболее оптимальное решение данного вопроса возможно, очевидно, по пути этноретроспекций на базе выработанных этнологией теорий и методов.

В массиве мезолитических древностей Карелии на современном этапе изучения можно выделить, по меньшей мере, две генетически и территориально, а возможно, социально, группы, иначе локальные археологические культуры – северо-карельскую и онежскую. Труднее определить принадлежность каждой к намечаемым в европейском мезолите образованиям – этнокультурным общностям, т.е. связанным суммой традиций во многих сторонах жизни крупного сообщества. Пока это устанавливается на уровне аналогов отдельных элементов и явлений в материальной культуре и в известной степени по антропологическим параметрам.

Предположительно культурный тип северокарельских древностей генетически можно связывать с мезолитом Кольского региона, а опосредованно – с исходной для последнего западноевропейской аренбургской традицией (общностью?). Исходными для всех (т. е. кварцевых – кварцево-сланцевых и кремневых) мезолитических комплексов бассейна Онежского озера являлись, вероятнее всего, комплексы веретинской культуры восточного Прионежья и бутовской позднего этапа или производные от нее бассейна верхней Волги. Формально и согласно некоторым представлениям о генезисе этих образований онежский мезолит являет собой сплав двух древних традиций – западноевропейской круга маглемозе – дуфензее и западно-

прибалтийской постсвидерской с элементами локальных местных культур более раннего в сравнении с онежским этапа мезолита.

Существуют, однако, достаточно веские основания ставить под сомнение ведущую роль западноевропейских палеолитических – раннемезолитических традиций в сложении культурных группировок в Восточной Европе. Можно считать доминирующими, определяющими генетическую принадлежность мезолита региона (в том числе восточнобалтийского побережья) палеолитические культурные сообщества центра и южных областей Русской равнины. В результате онежскую мезолитическую культуру следует рассматривать как конечную область в движении родственного по своему генезису населения культур, сложившихся на общей основе уже в финальнопалеолитическое – раннемезолитическое время.

На основе антропологических материалов, не противоречащих археологическим данным, восточноевропейское население этого времени отличалось набором полиморфных признаков, в том числе архаичных неконсолидированных, не выходящих все же за пределы европеоидного расового ствола. Одну из самых поздних его групп характеризуют погребенные в Оленеостровском могильнике на Онежском озере, которые и представляют население онежской культуры. С европеоидами Севера Западной Европы оказывается связанным население северокарельского мезолита.

На основе накопленной к настоящему времени суммы археологических фактов, с наибольшей вероятностью сопрягаемых с данными антропологии, лингвистики и топонимии, появление на территории Карелии и, очевидно, во всей восточноевропейской лесной зоне форм азиатского круга и элементов чуждых культур можно увязывать с эпохой раннего железа. Начальный этап сложения этносов финно-угорской языковой семьи в регионе, имея в виду лишь один их признак – наличие монголоидного компонента в физическом облике, ограничивается, таким образом, этим периодом. Предпринимаемые поиски их предков путем ретроспекций далее в глубь веков и тысячелетий декларативны и в настоящее время находятся за пределами научного знания.